

Федеральное агентство связи
Федеральное Государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики»
(СибГУТИ)

В.Ш. Сабиров

О.С. Соина

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Новосибирск
2016

УДК 167
ББК 72.87

С

Сабиров В.Ш., Соина О.С.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: Уч. пос. – Новосибирск: СибГУТИ, 2016 – 95 с.

Учебное пособие представляет собой изложение общих и специальных проблем философии науки. Наука рассматривается как особый вид познания, специфическая форма культуры и социальный институт. Она представлена в широком контексте взаимодействия с другими видами познания, формами культуры и общественными структурами.

Пособие предназначено для аспирантов и соискателей, готовящихся к сдаче экзамена кандидатского минимума по курсу истории и философии науки.

Рецензенты:

Доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Зимбули А.Е.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики Орееховский А.И.

© «Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики», 2016
© Сабиров В.Ш., Соина О.С., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Часть 1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ.....	5
Предмет философии науки.....	5
Понятие науки, ее возникновение и основные этапы развития.....	7
Наука и квазинаука.....	12
Понятие знания. Знание и информация, мышление и язык.....	17
Познание и его виды. Наука как вид познания.....	19
Учение об истине. Критерии истины.....	24
Научное знание: структура и динамика.....	28
Научная рациональность и ее типы.....	31
Сциентизм и антисциентизм.....	35
Наука как социальный институт.....	37
Этика науки.....	38
Этос научного сообщества.....	43
Философские проблемы конкретных наук.....	46
Часть 2. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК.....	49
Предмет философии техники.....	49
Понятие техники, ее сущность и смысл.....	50
Техника традиционного общества.....	56
Техника индустриального общества.....	57
Техника постиндустриального общества.....	59
Специфика технического знания.....	61
Феномен технократического сознания.....	62
Технический оптимизм и технический пессимизм.....	63
Сближение идеалов естественно-научного, технического и социально-гуманитарного знания.....	67
Жизнь как категория наук об обществе и культуре.....	71
Методологические проблемы современного социально- гуманитарного знания.....	73
Словарь терминов	84
Список литературы.....	90
Приложение.....	92

Введение

С июля 2005 по постановлению Министерства образования и науки РФ вместо экзамена кандидатского минимума по философии введен экзамен по истории и философии науки. В состав экзаменационных вопросов по данной дисциплине включены:

1. Вопросы по истории науки. Они разрабатываются аспирантами и соискателями самостоятельно в контексте той науки, которой посвятили свои исследования. По историко-научной части аспиранты и соискатели пишут реферат, который защищают во время экзамена перед экзаменационной комиссией. Реферат, написанный аспирантом и соискателем и подписанный научным руководителем, сдается на кафедру философии для проверки. Зачтенный реферат дает право аспиранту и соискателю быть допущенным к экзамену.

2. Вопросы по общим проблемам философии науки.

3. Вопросы по философским проблемам научных специальностей.

Таким образом, в каждом билете содержится три вопроса: 1) по истории науки в виде реферата, оценка зачет или нечет, 2) по общим проблемам философии науки, оценка по пятибалльной системе, 3) по философским проблемам научных специальностей, оценка по пятибалльной системе. Для подготовки и сдачи экзамена кандидатского минимума для аспирантов и соискателей всех специальностей читается курс лекций и проводятся семинарские занятия по философии науки общим объемом в 108 часов. Для аспирантов и соискателей разных специальностей читаются разные курсы с учетом их научной специализации. Соответственно часть (половина) вопросов в экзаменационных билетах составлена с учетом специализации аспирантов и соискателей. Для аспирантов и соискателей, обучающихся на технических кафедрах один набор вопросов, на социально-гуманитарных – другой. Читать курс философии науки, проводить семинарские занятия и принимать кандидатские экзамены по истории и философии науки имеют право только те преподаватели, которые имеют соответствующий сертификат. В противном случае экзамен, принятый у аспиранта и соискателя, является недействительным.

Данное учебное пособие по истории и философии науки составлено в соответствии с федеральной программой данного курса. Оно включает в свой состав общие проблемы философии науки и философские проблемы технических и социально-гуманитарных наук.

В связи с тем, что каждая кафедра, читающая данный курс имеет право включать в программу и вводить в экзаменационные билеты часть авторских тем и проблем, учитывающие научные интересы профессорско-преподавательского состава кафедры, поэтому в данной программе содержатся также и такого рода вопросы. В частности авторы данного учебного пособия сочли необходимым поместить в него наиболее важные проблемы теории познания, без которых, с их точки зрения, очень трудно освоить вопросы, связан-

ные с философскими и методологическими аспектами научного познания и исследовательской деятельности ученых.

Часть 1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Предмет философии науки

В XX веке наука стала мощным фактором общественной жизни. Если в предыдущие века наука была в основном уделом одиночек и практически не выходила за пределы университетских стен, то ныне она представляет собой настоящую фабрику знаний, которые широким потоком, материализованные в технику и технологии, вливаются в промышленность, сельское хозяйство, транспорт, связь, военное дело, быт и т.д. Наука и научные знания в XX – XXI веках буквально преобразили мир. Достаточно сравнить образ жизни людей конца XIX и начала XXI столетий, чтобы воочию представить себе масштаб изменений, произошедших в мире под влиянием науки и научных знаний. А если учесть тот, факт, что научные знания приносят человечеству не только блага, но, воплотившись в технику и технологии, создают новые проблемы и угрозы глобального порядка, становится очевидным, что требуется глубокое и всестороннее осмысление феномена науки. На этой социальной основе возникла и стала стремительно развиваться во второй половине прошлого столетия философия науки как особый раздел философского знания. Справедливости ради нужно отметить, что попытки философского анализа научного познания предпринимались еще в XIX веке (У. Уэвелл, Дж. Ст. Милль, О. Конт). В начале прошлого столетия они вновь актуализировались в связи с кризисом в физике, вызванном открытиями электрона, рентгеновского и радиоактивного излучения (Э. Мах, Р. Авенариус, В.И. Ленин и др.). После Первой мировой войны и до прихода к власти нацистского режима в Германии активно работал Венский кружок (М. Шлик, О. Нейрат, К. Гедель, Р. Карнап и др.), сосредоточившийся на проблемах логики и методологии научного познания. Тем не менее, по нашему глубокому убеждению, истинная **философия (!) науки** возможна была только на путях преодоления **позитивистской методологии** (большинство названных выше имен – это позитивисты разных школ). Симптоматично, что основоположниками и теперь уже классиками философии науки являются так называемые **постпозитивисты**: К. Поппер, П. Фейерабенд, Т. Кун, И. Лакатос и др. Однако это не значит, что философия науки замыкается только в рамках постпозитивизма. На протяжении нескольких десятилетий интенсивные исследования в этой области велись в нашей стране, обладающей до сих пор большим и философским, и научным потенциалом. Здесь можно назвать таких известных ученых и мыслителей как Б.В. Бирюков П.П. Гайденоко, А.Ф. Зотов, В.В. Казютинский, В.А. Лекторский, Е.А. Мамчур, Л.А. Микешина, Э.М. Мирский, А.Л. Никифоров, А.П. Огурцов, А.И. Ракитов, В.С. Степин, Э.М. Чудинов и др.

Какова же **предметная область** философии науки? Это далеко не праздный вопрос, поскольку наука изучается не только философией. Так, например, существуют и успешно развиваются история науки, социология науки, психология научного творчества, эвристика и т.д.

Прежде чем ответить на этот вопрос, акцентируем три принципиальных момента.

Философия науки – это, прежде всего, **теоретическая** дисциплина, и она не может, как это произошло в позитивизме, сводиться к описанию и обобщению научных фактов или логическому анализу научных суждений. Однако она не должна и не может претендовать и на роль **науки наук** или некоей **метанауки**, диктующей свои законы частным наукам. Такая претензия была характерна в свое время для гегелевской философии. Ею грешила также идеологически ангажированная советская философская доктрина, особенно в 30-40-е годы прошлого века, что, как известно, стало причиной разгрома отечественной генетики и кибернетики.

Философия науки – это, подчеркнем еще раз, **философская** дисциплина. Из этой констатации вытекает то, что она должна: 1) содержать в себе некий метафизический компонент; 2) рассматривать предмет своего исследования в широком духовном, культурно-историческом, социальном, экологическом и даже онтологическом контексте; 3) строить прогнозы на будущее в связи со все возрастающей ролью в обществе науки и техники.

Философия науки **не есть ее апология**. Несмотря на то, что в XX веке наука стала доминирующим видом познания, это не означает, что ненужными или излишними становятся все другие виды познания. Кроме того, наука и научное познание нуждаются в **конструктивной критике**, в том числе и со стороны философии, поскольку несут с собой не только блага, но и создают новые проблемы и, как показывает история, могут применяться во вред человеку, народам и обществу.

Итак, к **предметной области** философии науки мы можем отнести следующие блоки проблем:

1. **Выделение** науки и научного познания из всей совокупности видов познания и других культурных феноменов. **Определение критериев научности** знания. **Демаркация** между **наукой и квазинаукой** (астрологией, парапсихологией, уфологией и т.п.).
2. **Исследование исторической изменчивости понятия науки**, целей и задач научного познания. Постигание науки как особого **культурного феномена**, специфичного для каждой культурной традиции и исторической эпохи.
3. **Представление полной эпистемологической** картины научного знания: его **структуры** (уровней, форм и методов) и **динамики** развития научного познания, научных гипотез и теорий.
4. **Определение социального статуса науки** и исследование ее как особого **общественного института** со своими специфическими

законами функционирования и развития и во всем многообразии его связей с социумом.

5. *Анализ ценностного содержания* научной деятельности, этических норм и идеалов в научной среде, *этоса* научного сообщества.

6. *Исследование философских оснований и проблем* конкретных наук.

Понятие науки, ее возникновение и основные этапы развития

Понятие науки определить непросто ввиду его исторической изменчивости, культурных традиций и способов институционализации в разных странах. Так, например, в англоязычных странах в состав науки (science) не входят математика, медицина и гуманитарные науки (art). Здесь наука фактически отождествляется с естествознанием и техническими знаниями. Различий в трактовке науки много среди мыслителей и самих ученых, живших в разные времена и в разных странах.

Тем не менее, рискнем дать рабочее определение науки, инвариантное по отношению ко всем ее культурно-историческим формам и сложившимся традициям историко-научного плана. *Наука – это сфера профессиональной деятельности, направленная на получение новых знаний с целью их дальнейшего использования.*

Определяя науку как сферу *профессиональной* деятельности ученых, мы подчеркиваем: чтобы стать ученым, надо серьезно и долго учиться. Ученый учится всю свою жизнь, обучая других.

Наука всегда производит новые знания в виде больших или малых открытий. Но там, где есть *открытие* новых знаний, неизбежно и их *сокрытие* от непосвященных. Научные знания, рвущие с данными обыденного опыта и здравым смыслом, как правило, выражены на специальном языке, требующем понимания и изошренности ума. Чем обширнее и глубже научные знания, тем труднее их осваивать, тем, соответственно, глубже пропасть между учеными и обычными, не посвятившими себя науке людьми.

Научные знания *служат* человеку, развивая его ум, память, воображение, умения и навыки. В научных знаниях содержится *объяснение* явлений природы и общества. Они, наконец, *воплощаются* в технические устройства и технологии, преобразующие природу, изменяющие условия жизни людей. Практическое использование научных знаний не всегда дает положительный результат, поскольку последние, как свидетельствует история, служат не только делу созидания, но нередко содействуют разрушению природы, предметов культуры и цивилизации, а также применяются для уничтожения людей.

Первые формы научного знания возникают в древнем мире: Египте, Вавилоне, других странах средиземноморья и на Востоке: в Индии и Китае. Их происхождение в основном продиктовано практическими потребностями: необхо-

димостью строительства и эксплуатации ирригационных сооружений, от которых порой зависела жизнь целых народов, развитием мореплавания и т.п. Так возникают первые математические и астрономические знания, которые существовали в виде практических рекомендаций и предписаний. Хранителями этих знаний являлась каста жрецов.

В дальнейшем, в каждую культурно-историческую эпоху наука наполнялась новым содержанием, приобретала свою специфическую трактовку и соответствующее положение в обществе.

Предлагаем таблицу¹, в которой на основании 5-ти критериев мы выделяем основные этапы развития науки и отмечаем ее особенности на каждом из них. Таблица не претендует на полноту и безупречность, но помогает зримо представить историчность научного познания

Для философии науки наибольший интерес представляет тот период в развитии научного познания, который начался в Новое Время и продолжается поныне, но уже в новом модифицированном виде. Это связано с тем, что именно в XVII – XVIII веках наука приобретает относительную самостоятельность (отделяясь от религии и философии) и постепенно становится доминирующим видом познания. Решающее значение на институционализацию новоевропейской науки в социуме оказали труды и деятельность таких мыслителей и ученых, как Г. Галилей, Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Ньютон и др. Отметим ряд принципиальных положений, легших в основу этого понимания науки.

1. В отличие от античности и средневековья, для которых мир представлял собой единую нерасчлененную целостность, связанный к тому же со своим метафизическим основанием (с Богом), в Новое Время утверждается представление об относительной **автономности материального мира, утрачивается ощущение его органической целостности**. Ф. Бэкон полагал, что религия дает человеку откровение в виде Священного Писания, а наука призвана постигать божественные законы и установления посредством изучения природных явлений. Он же заложил основы отношения к природе как к косному веществу. Природа сама по себе не содержит в себе никаких целей и, следовательно, не надо апеллировать к ней с вопросами вроде «зачем?» и «почему?». Наука должна задаваться только вопросами «как?» и «каким образом?». Именно в Новое время рождается представление о науке как о производителе **позитивного знания**. Р. Декарту принадлежит пальма первенства в радикальном разделении и противопоставлении физики (позитивного знания) и метафизики (философии и богословия). С этого момента ученые как бы договорились между собой не употреблять в своих трудах и научных дискуссиях метафизических понятий или не делать ссылок на них, и это несмотря на то, что многие великие ученые последних трех-четырех веков оставались верующими

---

¹

См. приложение.

людьми или поклонниками философских учений разных эпох и традиций.

2. Важным, если не сказать, главным признаком и элементом науки становится ее математический аппарат. *Математика* становится своего рода эталонным знанием. «Бог – математик», – говорил Г. Галилей, подчеркивая тем самым решающее значение математики в научных исследованиях и теоретических построениях. Тенденция определять совершенство научной теории ее математической формализацией сохранялась до тех пор, пока К. Гедель не сформулировал свою *теорему неполноты*, согласно которой полная формализация научной теории принципиально невозможна.

3. Происходит открытие *человеческого общества* как особой реальности, не сводимой ни к природе, ни к духовному царству. Отсюда зарождаются попытки открытия особых универсальных закономерностей функционирования и развития социума. Большое значение здесь сыграли учения Т. Гоббса, создавшего теорию общественного договора, французских материалистов XVIII века, показавших решающее значение в жизни человека общественной среды и интересов людей и т.д.

4. Не без влияния Возрождения и Реформации решительно меняется *положение ученого* в обществе, значительно расширяется свобода его научного творчества, вместо механизмов общественного контроля за его деятельностью усиливается значение и роль личной совести и ответственности ученого.

Все эти положения сохраняют фактически свое значение до сегодняшнего дня, несмотря на то, что наука за несколько веков своего развития прошла несколько этапов. С XVII века начинается период *классической науки*, длившийся до конца XIX столетия и сменившийся ее *неклассическим* этапом. *Постнеклассическая* наука начинает формироваться с 70-х годов XX века. Попытаемся обозначить основные черты отмеченных этапов развития науки, делая акцент на господствующих в них общих представлениях о мире (*научные картины мира*) и вытекающих из них соответствующих *типах рациональности*. Под *научной рациональностью* мы будем понимать разумную достоверность знаний, признанную научным сообществом конкретной эпохи.

Научная картина мира *классической науки* в значительной степени была обусловлена *субстанциональной* трактовкой материи (*субстанция* – носительница вечных и неизменных свойств или атрибутов, таких как движение, протяженность, непроницаемость и др.). *Материя* здесь фактически отождествлялась с *веществом*, которое в пределе редуцировалось до *атома* (неделимого). *Классическая наука* была уверена в *объективном* характере полученных *знаний*. Естествознание было несомненным эталоном научного познания. Решающая роль в объяснении природных явлений принадлежала *физике и ме-*

ханике, законы которой нередко экстраполировались на органические процессы и социальные явления.

В конце XIX – начале XX вв. в связи с новыми открытиями в естествознании (явления радиоактивности, электрона, рентгеновских лучей), оказались подорванными привычные представления ученых об устройстве материального мира, приведшие к кризису философских оснований физики. «Суть кризиса современной физики, – писал В.И. Ленин, – состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания.... «Материя исчезла» – так можно выразить основное и типичное по отношению ко многим частным вопросам затруднение, создавшее этот кризис»². Причина этого затруднения, по Ленину, заключается в том, что физики придавали своим теориям онтологическое значение, т.е. мыслили метафизику как простое продолжение физики. Далее он объясняет и само это затруднение: «Материя исчезает» – это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т.п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи»³.

Кризис физики, в конечном счете, привел к научной революции. С появлением теории относительности А. Эйнштейна, квантовой механики, многих других научных гипотез и новых отраслей знания произошла смена парадигм в естествознании: классическая наука уступила место неклассической. Результаты научных исследований стали стремительно внедряться в производство, в XX столетии на Западе существенно изменился быт, образ жизни и материальный уровень благосостояния людей. Это в какой-то степени было связано с тем, что там сугубо научные проблемы не выходили за пределы академических кругов, не становились предметом идеологических спекуляций и политических разборок.

Между тем, вся эта ситуация в физике конца XIX – начала XX вв. была, с нашей точки зрения, как бы знаменем, к которому нужно было отнестись как можно серьезнее, а положение о том, что «материя исчезла» можно было проинтерпретировать иначе, но не столько в том духе, что свойства материи относительны, сколько именно в том, что и сам *материальный мир относителен*. Это утверждение, кстати, отнюдь не подрывает факта реального и объективного существования материального мира. Но оно настраивает человека на то, чтобы в поиске предельных оснований своего бытия он стремился к духовным ценностям.

В отличие от классической, *неклассическая наука* опирается на более развернутые представления о *детерминации* (обусловленности) природных, космических, социокультурных явлений. Если классическая наука исходила из *принципов лапласовского детерминизма*, редуцированного по существу к ка-

² Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т.18. М.1973. С.272-273.

³ Там же. С.275.

узальным связям (причинно-следственным), которые к тому же понимались сугубо **линейно и однозначно** (следствие выводилось из одной причины), то сейчас картина детерминации явлений видится в совершенно ином свете. В XX веке в связи с появлением и развитием теории относительности, квантовой механики, молекулярной биологии, генетики, кибернетики и многих других наук и научных направлений вычленяется целая совокупность **видов и форм детерминации** явлений: **каузальная, генетическая, функциональная, структурная, целевая** и др. К этому следует добавить, что стало очевидным: многие процессы не только в микромире, но и особенно в социальной сфере, развиваются в соответствии со **статистическими**, а не динамическими **закономерностями**. Следовательно, во многих случаях необходимо иметь в виду **степень вероятности** каких-либо событий или следствий из заданных причин. Все это в совокупности необычайно усложнило научную картину мира и предостерегло ученых и практиков от скороспелых и легковесных решений в различных отраслях науки, техники, промышленного и сельскохозяйственного производства. Опыт XX века, в особенности в области технического творчества и социальных экспериментов, показал, насколько опасными и порой губительными могут быть неадекватные научные теории, социальные проекты и технические решения.

Еще одним важным моментом, характеризующим специфику неклассической науки, является то, что в физике микромира была выявлено неустранимое **влияние** на изучаемые процессы самого **исследователя**. Из принципа дополненности, сформулированного В. Гейзенбергом (1901 – 1976), следует, что нельзя одновременно определить момент импульса микрочастицы и ее координаты. Это и другие открытия в корне изменили представления о характере связи научной теории с объективной реальностью. **Нормальным явлением** в науке стало **сосуществование** нескольких **альтернативных теорий**, по-разному трактующих одни и те же явления. С этим связана утрата наглядности многих научных теорий, математическое содержание которых часто не поддается физической интерпретации. Существенные изменения произошли также в области социально-гуманитарного знания, в которых утверждается принцип плюрализма и политеоретичности. Таким образом, неклассическая наука не только принципиально изменила научную картину мира, но и создала новый, неклассический тип рациональности.

В связи с тем, что в последней трети прошлого века возникли новые нюансы в развитии науки и научного познания, в среде философов и ученых вошло в обиход представление о **постнеклассической науке**, которая рассматривается как некий переходный рубеж от неклассической науки к последующей стадии ее развития. Определяющим фактором здесь становится возникновение **синергетики** как **общенаучной методологии** и целой **научно-исследовательской программы**, охватывающей самый широкий спектр наук: естественных, технических и социально-гуманитарных. Синергетическая парадигма современной науки связана с изучением сверхсложных объектов – открытых динамических

систем, способных к самоорганизации. Ключевыми для синергетики являются понятия хаоса, порядка, бифуркации и т.д. Другим специфическим для постнеклассической науки явлением стало развитие **НАНО-технологий**, благодаря которым синтез научного знания становится реальностью, а не благим пожеланием. Причем, этот синтез осуществляется не столько в теории, сколько в самом технологическом процессе создания различных объектов. Например, для создания медицинских препаратов нового поколения нужны усилия врачей, микробиологов, химиков, генетиков, фармацевтов и т.д. Отличительную особенность постнеклассической научной картины мира и соответствующего ему типа рациональности составляют все более и более углубляющиеся представления о чрезвычайной сложности исследуемых объектов; хрупкости человеческой цивилизации; уникальности и неповторимости многих процессов, протекающих в природе, обществе и культуре, в которых фактор случайности перестает восприниматься как нечто второстепенное; осознание важности ценностной составляющей научной деятельности и т.д.

Наука и квазинаука

Наряду с разными видами познания существуют многообразные формы квазинаучного знания, фактически альтернативных научному, но имеющими претензию называться научными. В настоящее время наблюдается мощное давление на общественное сознание самых разнообразных квазинаучных гипотез и «теорий». Квазинаучное познание не является чем-то однородным и может быть в свою очередь подразделено на:

1. лженаучные знания;
2. псевдонаучные знания;
3. паранаучные знания.

Лженаука – это ложные в своих основаниях, содержанию и практических результатах гипотезы и «теории». Лженаучные знания необходимо отличать от ошибочных гипотез, положений и представлений, возникающих в процессе научных исследований, но не получивших теоретического, экспериментального или практического подтверждения (например, гипотеза теплорода в термодинамике, флогистона – в химии, эфира – в физике). Лженаучные знания обусловлены идеологическими мотивами или моральной нечистоплотностью их «творцов» и пропагандистов, а также их профессиональной несостоятельностью.

Примером лженауки может служить учение Т.Д. Лысенко, усилиями которого была уничтожена отечественная генетика вместе с ее выдающимися представителями (Н.И. Вавиловым, Г.А. Надсоном, Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитским и др.). Лично Т. Д. Лысенко и его сторонники получили контроль над институтами отделения биологии АН СССР, ВАСХНИЛ и вузовскими кафедрами. Были изданы новые учебники для школ и вузов, написанные с позиций «Мичуринской биологии». Генетики вынуждены были оставить научную деятельность или радикально изменить профиль работы. Некоторым удалось про-

должить исследования по генетике в рамках программ по изучению радиационной и химической опасности за пределами организаций, подконтрольных Т. Д. Лысенко и его сторонникам. Судьба была милостива к Тимофееву-Ресовскому, выдающемуся отечественному генетику, оказавшемуся в 30-40-х годах прошлого века в научной командировке в Германии, где он занимался научными исследованиями даже в условиях нацистского режима. О полной драматическими событиями жизни и научной деятельности этого ученого известный писатель Д. Гранин написал роман «Зубр», популярный в годы «перестройки». Сходные с лысенковщиной явления наблюдались и в других науках. Наиболее известные кампании прошли в цитологии (в связи с учением О.Б. Лепешинской о *живом веществе*), физиологии (борьба К.М. Быкова и его сторонников за «наследие» И.П. Павлова) и микробиологии (теории Г.М. Бошьяна).

К лженаучным может быть отнесена расовая «теория» нацистов в Германии 30 – 40-х годах XX столетия, а также множество современных экстраординарных «теорий» наподобие новой периодизации истории, предложенной академиком А.Т. Фоменко, чудодейственных способов лечения различных заболеваний.

А.Т. Фоменко – автор ряда работ, изданных в рамках проекта «Новая хронология», в которых он и его основной соавтор Г.В. Носовский претендуют на создание новых «эмпирико-статистических» методов исследования исторических текстов, распознавания зависимых исторических текстов и датирования событий в приложении к хронологии античной и средневековой истории. Вместе с другими участниками проекта А.Т. Фоменко критикует существующую хронологию мировой истории, негативно оценивает добросовестность работы многих учёных, которые занимались историей, археологией, лингвистикой, астрономией, методами датирования и др.

Данная теория не признаётся научным сообществом – историками, археологами, лингвистами, математиками, физиками, астрономами и представителями других наук по причине грубой фальсификации исторических фактов и пренебрежения апробированными методами научных изысканий в разных областях естественнонаучных и гуманитарных знаниях.

Очень много вариантов лженаучного знания распространено в настоящее время в медицине. Спекулируя на чувствах больных людей, отчаявшихся получить помощь от врачей, ориентирующихся на апробированные научные методы лечения, и используя авторитет науки, множество людей, движимых тщеславием или жаждой денег, предлагают новые непроверенные методики или лекарства-панацеи, способные вылечить чуть ли не все возможные заболевания.

Псевдонауки представляет собой более устойчивые формы квазинаучного знания, которые обладают формальными признаками научного знания (категориальный и математический аппарат, методы исследования), но, тем не менее, не являющимися таковыми, поскольку в явном виде вводят в свой состав мета-

физические посылки и идеи. Астрология – типичный пример псевдонаучного знания. В отличие от астрономии, изучающей движение небесных тел и их взаимодействие друг с другом, космологии и космогонии, постигающих процессы возникновения и развития космических объектов, астрология пытается усмотреть связь между небесными телами и судьбами людей и народов. Никто не отрицает, что существует зависимость биологических организмов, включая и человека, от космических явлений. Так, например, А.Л. Чижевский открыл связь между повышенной солнечной активностью и распространением вирусных инфекций на Земле. Однако, утверждать, что то или иное сочетание планет или знак зодиака детерминируют поведение людей, их личностные свойства и судьбы, – значит мистифицировать жизнь человека и общества.

В качестве примера трансформации науки в псевдонауку можно привести современную танатологию (от Танатос – бог смерти в греческой мифологии). Возникнув в начале XX столетия как строго научное направление, изучающее биологические и медицинские аспекты смерти и умирания, танатология, начиная с 60-х годов XX столетия стала вторгаться в область гуманитарного знания.

Многоаспектные исследования проблемы смерти и практический опыт работы с умирающими пациентами с неизбежностью привели танатологию к постановке вопросов, традиционно составлявших прерогативу религии и метафизики. Не трудно догадаться, что речь идет о **посмертном существовании**.

Во множестве публикаций на Западе делаются выводы о существовании загробной жизни на основе различных эмпирических данных, сложных методик исследования пограничных состояний психики и т.д. Шумный успех имела книга Р. Моуди «Жизнь после жизни» (“Life after life”), впервые опубликованная в 1975 году. На основе анализа сообщений 150 пациентов, переживших опыт клинической смерти, а также изучения древних текстов, сочинений восточных и западных мистиков, американский ученый обнаружил сходную картину переживаний и видений, характерных для умирающего человека. Он выделил 15 таких общих признаков: внетелесное состояние, движение по черному тоннелю, встречи с умершими, общение со светящимся существом и т.д.

Эта книга и подобная ей литература вызвали неоднозначную реакцию в среде ученых и духовенства: от энтузиазма поддержки – до сдержанного приёма, а то и суровой критики.

Как только на Западе появилась литература, претендующая на **научное доказательство посмертного существования** человека, так вскоре она была подвергнута критическому разбору со стороны ученых различных стран. Многие ученые-медики полагают, что в книге Р. Моуди и других авторов, пишущих на аналогичную тему, нет четких и точных данных относительно того, действительно ли все люди, делящиеся опытом «посмертного существования», находились в состоянии клинической смерти. Поводом для такого рода сомнений служит то обстоятельство, что ни у Р. Моуди, ни у его единомышленников не приводятся данные о том, **когда, кем и каким образом** констатировался факт клинической смерти, которая действительна только при наличии трех состав-

ляющих: отсутствии дыхания, отсутствии кровообращения и полном отсутствии рефлексов. В таком случае в эту группу людей могли попасть больные, перенесшие отравление, глубокую кому, эпилептический припадок, шок и т.п. А это значит, что материал изначально строился на некорректных выборках, которые не могут оцениваться как строго научные данные. Некоторые ученые-медики пытаются выразить на языке нейрофизиологии и тем самым дать естественнонаучную интерпретацию тем переживаниям и видениям, которые испытывали пациенты американского исследователя. Так, например, неспособность выразить адекватными словами пережитый уникальный опыт они объясняют «затруднением выражения виденных образов в символах второй сигнальной системы», образ темного тоннеля считают производным от более сильного энергетического обеспечения механизмов центрального зрения, внетелесные состояния полагают результатом различных нарушений целостной работы центральной нервной системы, встречи с умершими и светящимся существом, о которых рассказывают пациенты Р. Моуди, трактуют как следствие полного прекращения интеграционной функции коры головного мозга.

Не отвергая наличия рациональных доводов в критике Р. Моуди учеными-медиками, мы склоняемся все же к выводу о том, что методология, на которую они опираются, является далеко не безукоризненной. В целом же попытки интерпретации многих феноменов человеческой жизни, в том числе и жизни перед лицом смерти, с сугубо естественнонаучной точки зрения противоречат принципам научной же достоверности, ибо человек есть нечто неизмеримо большее, чем просто биологический организм.

По нашему мнению, следует различать понятия «посмертное существование» и «бессмертие». Современная наука нащупывает какие-то пути и способы фиксации посмертного существования человека. Логично предположить, что в будущем научные методы, усовершенствуясь, позволят еще более существенно продвинуться в этой области. Однако никакая наука, никакой гений или сообщество гениев, опираясь на самые совершенные научные методики, не способны будут ответить на вопрос о бессмертии человека и его посмертной судьбе, поскольку здесь мы имеем дело с духовной реальностью, трансцендентной по своей природе. Здесь уместно вспомнить эпизод из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, где черт говорит Ивану: «Вот, например, спириты... я их очень люблю... вообрази, они полагают, что полезны для веры, потому что им черти с того света рожки показывают. «Это, дескать, доказательство уже, так сказать, материальное, что есть тот свет». Тот свет и материальные доказательства, ай-люли! И наконец, если доказан черт, то еще неизвестно, доказан ли Бог?»⁴. Действительно, *эмпирическое доказательство существования потустороннего мира является величайшей нелепицей*, и свидетельствует о безусловном вырождении позитивистской методологии. Наука не всесильна, к то-

---

⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Полн. Собр. соч.: В 30-ти томах. Т. 14. Л., 1974. С.

му же есть сферы, которые для нее принципиально закрыты. В одной из своих книг Р. Моуди приводит высказывание пастора: «Мы не способны доказать ни одной вещи жизненной важности. Высшие проявления жизни должны питаться верой, и если бы мы оказались способны доказать, что жизнь действительно существует за порогом могилы, у людей исчезла бы необходимость иметь веру ради нее самой. Жизнь – это тайна. Жизнь после жизни – тоже тайна»⁵. Эти слова не нуждаются в комментариях.

Под *паранаукой* подразумевает род знаний, которые относятся к особым событиям, процессам, явлениям, не поддающимся четкой эмпирической фиксации. К ним относятся природные или психические явления, которые случаются крайне нерегулярно. То есть их основное отличительное свойство – иррегулярность. Атрибутом же научности знания служит то, что оно может многократно воспроизводиться несколькими учеными или группами ученых. Парафеномены же не удастся воспроизводить многократно и многими учеными. В одних случаях они обнаруживаются, в других – нет. Их не удастся повторить экспериментально, или наблюдать постоянно.

Паранормальные явления свидетельствуют о том, насколько загадочен мир, в котором мы живем. Они позволяют также сделать вывод о том, что нельзя науку превращать в божество, что она не всесильна.

Типичным примером паранауки является *уфология* (UFO – неопознанные летающие объекты). В самом названии уфологии заложено логическое противоречие: что это за наука, которая изучает неопознанное!? А если эти объекты окажутся опознанными, тогда, получается, она утратит свой предмет исследования.

Паранпсихология – один из обширных разделов паранауки. Она накопила множество эмпирических фактов, свидетельствующих о необычных способностях людей или явлениях психической реальности. К ним можно отнести, в частности, телепатию (В. Мессинг), телекинез (Е. Калугина), ясновидение (Ванга), полтергейст, дальновидение (Эмиль Сведэнборг), спиритизм и многие другие явления.

В отличие от лженауки и псевдонауки, где имеются подобию научных теорий, но очень мало эмпирических фактов, их подтверждающих, в паранауках, напротив, есть много странных эмпирических фактов, но нет теорий, объясняющих эти события и явления. Более того, свидетелями паранормальных явлений чаще всего становятся не ученые, пытающиеся их анализировать и постигать, а обычные люди, далекие от науки.

Таким образом, нужно хорошо себе представлять различие между наукой и разными вариантами квазинаучного знания, чтобы не оказаться в плену ложных или сомнительных знаний.

---

⁵ Моуди Р. Размышления о жизни после смерти // Жизнь после смерти. М., 1990. С. 53.

Понятие знания. Знание и информация, мышление и язык

Исходным в гносеологии и философии науки является понятие знания. Еще древние греки различали понятия знания и мнения. Мнения – это внешние, поверхностные, субъективные представления людей, сочетающие в себе случайные и произвольные свойства предметов и явлений. Знание же должно отвечать критериям объективности, достоверности, необходимости и общезначимости.

Чтобы определить какое-либо понятие, его нужно подвести под другое, более общее понятие. Для знания таким, более широким понятием будет “опыт”. **Опыт** – это нечто, пережитое человеком и обществом (индивидуальный и общественный опыт). Однако, далеко не всякое содержание опыта – есть **знание**, а **только то**, которое можно **передать посредством языка**. Бывают естественные и искусственные языки. Язык – это знаковая система. Но там, где есть знак, есть и значение. **Значение** – это именно то, что представляет вполне конкретную ценность для человека. Знание – это положительная или отрицательная ценность. Не всякое знание есть благо и польза для человека и общества. Одно дело – читать Библию, “Войну и мир” Л.Н. Толстого и совсем другое – “Майн кампф”, “Краткий курс истории ВКП (б)” или книги по оккультизму. Если знак воспринимается чувственно, то значение, заключающее в себе смысл того или иного предмета и явления, требует понимания. **Понимание** – это истолкование значения, заключенного в знаке. Мы понимаем при помощи ума. **Ум** как способность понимания обладает **количественной стороной и качественной**. Количественная сторона ума отражает его операциональную способность, т.е. умение решать задачи. Ум, рассмотренный под таким углом зрения, тождественен **интеллекту**. Качественную сторону ума составляет его индивидуально-личностная окрашенность, своеобразие и уникальность. Ум каждого человека специфичен. Один человек прекрасно мыслит образами, другой – хорошо решает математические задачи, третий – легко ориентируется на местности и т.д. Качественная сторона ума наиболее полно выражается в понятии мудрости. **Мудрость**, по определению, Ф. Искандера, есть “ум, настоящий на совести”. Совесть предполагает сознание человеком своего некоторого несовершенства, в том числе и в сфере познания. **Мудрость – это ум, осознающий свои границы**. Заявление Сократа: “Я знаю, что я ничего не знаю” есть высшее свидетельство его мудрости. Настоящая мудрость не приемлет гордыни, ум же без мудрости высокомерен, притязает на всезнание и ... служит источником ложных решений, или, как говорят в народе, глупости.

Итак, **знание** – это индивидуальный и общественный опыт, передающийся посредством языка (единство знаков и значений), требующий понимания умом, который обладает количественной и качественной характеристикой (интеллектом и мудростью).

Знание и информация относится друг к другу как пересекающиеся понятия. Не всякое знание – информация и не всякая информация – знание. **Информация** – это способ существования и средство, активизирующее деятельность

сложных динамических систем (кибернетических систем), обладающих способностью саморегуляции и самоуправления. Кибернетическими системами являются растения, животные, некоторые машины и человек. Но человек есть нечто неизмеримо большее, чем кибернетическая система. Для восприятия, переработки и использования информации не обязательно наличие сознания и, тем более, ума. Знание же есть содержание человеческого сознания. Однако и не всякое знание есть информация. **Информация – это отраженное разнообразие** или, иначе говоря, новость, которая вынуждает кибернетическую систему к саморегуляции. Заяц, увидевший волка, бежит от него. Цветок под воздействием солнечного света распускается. Холодильник при достижении определенного температурного режима автоматически отключается, а затем вновь включается с изменением параметров температуры. Информация часто неотделима от определенного материального носителя, знание же всегда идеально.

Человек мыслит, оперируя понятиями, выраженными в слове. Слово есть материальная оболочка мысли, ибо оно слышимо и видимо. Мысль же нематериальна, она – *субъективна, идеальна и духовна*. *Субъективна*, потому что всегда принадлежит индивидуальному субъекту, мыслящему и выражающему свою мысль в слове. Бессубъектных мыслей нет. Слово может быть и бессубъектным. Например, слова в словарях не принадлежат никому конкретно, кроме, конечно, народа, чей язык они представляют. Мысль субъективна и в том смысле, что всегда несет печать индивидуального своеобразия ее носителя. Люди мыслят по-разному. Это своеобразие отражается, разумеется, и в языке говорящего и пишущего человека. Однако надо всегда иметь в виду, что субъективность мышления и языка всегда относительна, иначе люди просто не понимали бы друг друга. Человеческая мысль *идеальна*, потому что она не может охватить все, всякая мысль, будь то понятие, суждение, умозаключение или идея всегда есть абстрактная (идеальная) картина того, к чему она относится. Так, например, мы, оперируя понятием «стол», абстрагируемся от всего многообразия реальных столов и имеем в виду только то общее, что свойственно всем столам. А это общее получено путем абстрагирования и идеализации. Идеальность человеческой мысли коррелируется с исторической ограниченностью познания всего человечества, которое никогда не может знать всего. Всезнание есть свойство божественного разума. *Духовность* мысли заключается в том, что она укоренена не в телесной части человека, а именно в его духовной основе. Человек – единственное живое существо в мире, которое мыслит понятиями. В этом плане человек – богоподобное существо. Богоподобное, но не божественное, потому что у Божества мысль и слово тождественны. Поскольку у человека такого тождества нет, существует в частности и великое множество языков.

В этой связи возникает вопрос: оказывает ли различие языков какое-то влияние на мышление и познание людей и народов?

Прежде чем утвердительно ответить на этот вопрос, подчеркнем, что различие языков не отменяет общности мышления человечества. В противном случае

люди и народы, говорящие на разных языках, совершенно не понимали бы друг друга. Например, романы Ф.М. Достоевского читают и любят не только русские, но и европейцы и, особенно, японцы. Тем не менее, своеобразие языков (их грамматика, фонетика, лексика и т.д.) придает некоторым уникальные черты и характеру мышления и познания людей и народов, на них говорящих. Давно замечено, например, что мышление народов, использующих иероглифы, несколько отличается от мышления народов, которые придумали азбучный алфавит. Так, у китайцев и японцев мышление более глубоко пронизано художественно-эстетическим компонентом, чем у европейцев. Думается, что есть прямая зависимость между сложностью языка и развитостью мышления у тех или иных народов. Общеизвестно, что грамматика русского языка очень сложна. Он требует удержания в памяти многих правил и исключений из них. А это обстоятельство несомненно стимулирует развитие не только памяти, но и мышления.

Язык и мышление не являются нейтральными к познанию. Это в частности проявляется в том, что в каждом языке содержится как бы своя специфическая картина мира, свое своеобразное мировоззрение. Возьмем для сравнения русское слово «человек» и английское – «man». В одном случае как бы подчеркивается некое божественное, сверхприродное, созерцательное начало в человеке («чело, идущее веками»), во втором – акцентируется деятельный, преобразующий, рукотворный («мануальный») момент.

Итак, познание невозможно без мышления, а мышление без языка. Чем более развит язык у человека или народа, тем развитее у них мышление и, следовательно, больше возможностей для познания. С другой стороны, чем больше познают, тем больше развивается мышление и богаче становится лексика языка. В современном мире, в котором стремительно развивается наука, многие народы, в силу разных исторических обстоятельств отставшие в своем развитии от передовых стран, вынуждены приобщаться к языку этих народов, чтобы не отстать еще сильнее. К чести нашего народа, русский язык является не только одним из шести официальных языков ООН, но он вполне современен и таит в себе огромный потенциал в плане научного, философского и художественного познания.

Познание и его виды. Наука как вид познания

Познание – очень сложный процесс не только в “технологическом”, но и в структурном аспекте. В структурном плане можно выделить несколько основных **видов познания**, которые в совокупности дают максимально полное знание мира, истории и человека.

Обыденное познание – это познание, которое осуществляется в рамках повседневной жизни людей. Обыденные знания непосредственно **интегрированы в практическую жизнь человека** (рецепт приготовления блюда, нормы общения, знание местности, правил дорожного движения и т.п.). Как правило, эти знания передаются от поколения к поколению, от одних людей другим людям

при непосредственном общении. Обыденные знания *не систематизированы*, они представляют собой противоречивый конгломерат самых разнообразных сведений, которые актуализируются в каких-то конкретных ситуациях. В силу этого они *ситуативны*. *Основа* обыденного познания – *здоровый смысл*, который в содержательном и функциональном плане двойственен. Благодаря глубокой связи здравого смысла с чувственным опытом он может служить надежной основой для практической деятельности людей и в то же время нередко продуцирует предрассудки и обслуживает суеверие людей. Здравый смысл хорошо проявляет себя в четырех стенах домашнего обихода, и он же уподобляется сломанному компасу, когда познающий человек пытается постигнуть глубокие закономерности мироздания. История науки показывает, что новые открытия практически всегда попирали исторически сложившийся здравый смысл. Тем не менее, в обыденном познании закладываются основы научного познания, философского и художественного освоения мира. Так, например, в недрах обыденного опыта формируется традиционная народная медицина, предсказание погоды на основе эмпирических наблюдений и принявших форму народных примет. Пословицы и поговорки – подлинная квинтэссенция народной мудрости – предстают как философемы, как предпосылки профессиональной философской мысли, а в сказках запечатлевается художественное творчество народов мира, в которых отражаются и души этих народов, и их понимание окружающего мира.

Научное познание часто называют *позитивным познанием*, имея в виду то, что его объектом служит та часть объективной реальности, которая открыта чувственному миру непосредственно или посредством различных приборов: природа, внешний пласт общественных и культурных процессов. Основу науки составляет *рациональное познание*, выраженное в *понятиях, суждениях, умозаключениях, принципах, идеях, законах*, обладающих свойствами *общезначимости и логической необходимости*. Со времен Ф. Бэкона и Р. Декарта научное познание декларативно отказывается от постановки и решения метафизических проблем, однако, на деле в скрытом виде фактически любая теория в своих основаниях опирается на те или иные религиозные или философские учения и доктрины.

Художественное познание осуществляется в сфере искусства. Художественное познание – это познание мира и человека посредством *образов и символов*. Читая роман или повесть, смотря игровое кино, мы имеем возможность постижения различных эпох и культур, потому что читатель и зритель всегда идентифицирует себя с персонажами художественных произведений, он превращается в непосредственного участника описываемых или изображаемых в них событий. Отличительную особенность художественных образов и символов составляет их многозначность. Чем талантливее то или иное художественное произведение, тем более многозначны его образы, тем более многомерно его смысловое содержание. Благодаря этому оно остается вечно актуальным в

культуре, превращается в классическое наследие человечества. Каждая эпоха дает свое прочтение, толкование мировой классики.

Мифологическое познание – особый вид познания. Однако его трактовка зависит от того, как мы интерпретируем понятие мифа. Если миф мыслить как некое предание, выраженное в художественно-образной форме и относящееся к доисторическому прошлому человечества, то тогда мифологическое познание представляет собой одну из исторических форм познания мира, свойственное человечеству на его ранних ступенях развития. Мифы Древней Греции – прекрасный пример того, как народ Эллады постигал и объяснял явления природы и общественной жизни. В мифах разных народов содержится очень много информации о доисторическом прошлом человечества. Эта информация передавалась с древнейших времен в устной форме от одного поколения к другому. По убеждению немецкого ученого (палеонтолога и культуролога) Э. Даке, в этих мифах можно найти бесценный материал по антропо-и-социогенезу, по истории ранних человеческих сообществ. В данной же работе мы опираемся на концепцию мифа А.Ф. Лосева, потому что оно имеет большое эвристическое значение именно в области философии науки, для всех людей, занятых в разных областях творчества. По А.Ф. Лосеву, – мифологическое познание – это познание мира сквозь призму каких-то конкретных мифов. Миф не есть легенда или предание. Он существовал, существует и будет существовать, пока живы человек и человечество. Миф, по определению А.Ф. Лосева, есть «развернутое магическое имя»⁶. Он имеет отношение к какому-либо социуму, социальной группе или отдельной личности. В силу этого мифы могут быть национально-культурными (национально-государственными), профессиональными и личностными. Национально-государственные мифы, как правило, националистичны. Китайцы, например, называли свою страну «поднебесной», ее древний миф строился на представлении о себе и своей стране как центре мироздания, сквозь призму которого другие народы воспринимались как варвары. Россия просуществовала свыше тысячи лет, культивируя миф о «Святой Руси», который не только помогал русским выживать в условиях внешней агрессии и внутренних раздоров, но и был способом их самосознания и самопознания. Американский миф складывается из двух простых посылок: а) Америка – лучшая страна в мире; б) каждый человек может добиться успеха в этой стране. Американец не только воспринимает другие страны и другие народы сквозь призму этого мифа, но и мобилизуется им. В случае жизненных неудач американец, как правило, их причины ищет в самом себе и находит силы для нового жизненного подъема. Так миф оказывает, действительно, магическое воздействие на человека. Драма и кризис современной России заключается в первую очередь в том, что здесь оказался утраченным адекватный национально-культурный (национально-государственный) миф. При этом каждый человек познает мир, других людей сквозь призму своего профессионального и личностного мифа. Так,

---

⁶ Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 217.

например, врач неизбежно будет обращать внимание на признаки здоровья или болезни в своем собеседнике. Музыкально одаренный человек прежде всего привлекает из мира гармонию или дисгармонию звуков. Мифологическое познание, будучи личностно и культурно детерминированным, в свою очередь само оказывает воздействие на личностное и культурное развитие людей и народов. В этом плане мифологическое познание занимает центральное положение среди других видов познания, ибо последние группируются вокруг него. Ученый способен достичь высоких результатов в научном поиске только при условии, что его познавательная деятельность облеклась в форму личностного мифа, когда он настолько захвачен творческим процессом, что буквально днем и ночью живет той проблемой, которую исследует. Рано или поздно такая жизненная установка принесет свои положительные плоды, радикально меняя и его собственную жизнь.

Религиозное познание. Высшей формой религиозного познания является **Откровение** – особый вид познания, доступный для сравнительно небольшого числа духовно одаренных людей: подвижников веры. Религиозное откровение, согласно Церковным представлениям, есть непосредственное созерцание религиозным подвижником сверхчувственной реальности. В качестве художественного изображения религиозного откровения может послужить знаменитое стихотворение А.С. Пушкина "Пророк", персонажу которого как раз открылась сверхчувственная реальность:

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Религиозное откровение переживали ветхозаветные пророки (например, Исайя, Даниил), Иоанн Предтеча, предсказавший приход Иисуса Христа, апостолы – первые ученики Христа, святые католической и православной церкви, оптинские старцы, пророк Мухаммад, основатель религии Ислама и т.д. Отличительная особенность религиозного откровения заключается в том, что его невозможно адекватно передать. Человеческий язык онтологически (а не лексически) беден, чтобы точно и глубоко воспроизвести картины сверхчувственной реальности. Вот почему священные книги, полученные в результате откровения, написаны в символически-образной форме и нуждаются в толковании. Религиозное откровение закрепляется в виде особых положений – **догматов**, в которых отражаются основные представления религиозных систем о Боге, мире и человеке. В христианской традиции догматы утверждались на вселенских соборах на основе коллективного опыта иерархов Церкви и Святых Отцов. Религиозная вера основывается на незыблемости догматов, составляющих основу вероучения любой религии. Без догматов нет религии и религиозного познания. Сквозь призму этих догматов и воспринимается и оценивается мир, человек, история.

Сердцевину религиозного познания составляет вопрос о спасении человека как личности. Паисий Святгорец – новогреческий старец и афонский монах – утверждал, что те, кто не хочет спастись, не понимают⁷. Смысл этого изречения состоит в том, что тот, кто хочет спастись, осознает падшесть своей природы, осознает свои грехи, кается в них, исповедуется, стремится иметь чистое сердце, которому и открываются высшие истины («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» – Мф. 5; 8). Такой человек понимает и себя самого, и других людей, и мир, в котором он живет, потому что ему открывается божественная мудрость. Он живет в традиции, хранительнице божественной истины. Тот же, кто не желает спастись, не совершенствуется духовно и в силу этого живет во мраке неведения. Он пребывает в гордыне, ему кажется, что он и так все знает и понимает.

Поскольку существует множество религиозных систем (мировых или национальных религий), то каждая культура и цивилизация, в основе которой лежит та или иная религия, имеет свои особенности в восприятии, понимании и объяснении мира, истории, человека и т.д.

Философское познание не поддается однозначной трактовке, потому что формально может сочетать признаки научного, художественного, религиозного и других видов познания. Тем не менее, отличительную особенность философского знания составляет то, что **философия есть мысль о мысли**. Из этого обстоятельства вытекают два следствия. Во-первых, философское познание – это **рефлексия**, т.е. осмысление предельных оснований всего сущего: бытия, культуры, истории, человеческой жизни с позиции высокой отстраненности (это как бы взгляд со стороны). Во вторых, философия – это всегда **диалог** мыслителей друг с другом. Поэтому философские знания, учения никогда не устаревают, они остаются вечно актуальными в культуре. Диалог мыслителей, соотнесение различных философских позиций стимулирует творческое развитие философского познания. **Философское знание** – это **целостное и ценностное знание**, потому что философия пытается постичь мир в целом и потому что в ней сильно выражен субъективно-личностный момент. Каждый философ пытается дать свое уникальное понимание и оценку мира и человека. Поэтому мы не ошибемся, если скажем: сколько существует философов, столько существует и философий.

Таковы основные виды познания, каждый из которых обладает своей спецификой, своими достоинствами и ограничениями. Только в единстве эти виды познания позволяют человеку познать мир и самого себя и помогают его гармоничному развитию. Ценность познания тем выше, чем более достоверными являются знания, которые получаются в итоге.

⁷

Блаженной памяти старец Паисий Святгорец. Слова. Т. 2. Духовное пробуждение. М., 2004. С. 290.

Учение об истине. Критерии истины

Одной из центральных проблем гносеологии является проблема **истины**. Понятие истины характеризует **качество знания**. Вопрос об истинности знания нельзя рассматривать абстрактно, потому что в каждом конкретном виде познания истина выступает в своем специфическом преломлении. Столь же специфичными предстают и критерии истинности, т.е. мерила, способы определения достоверности того или иного знания. Но как мы хотя бы предварительно определим понятие истины? *Истина*, согласно этимологии этого слова в русском языке, это *то, что есть*. Следовательно, вопрос об истинности того или иного вида знания – это вопрос о том, как оно соотносится с тем, что есть в действительности. Если вспомнить об открытии феноменологией интенциональности познания, то можно смело утверждать, что всякое познание имеет дело не столько с реальным предметом как чем-то целостным, но только с интенциональным предметом, т.е. либо частью, либо каким-то срезом этого реального предмета. Так, например, дерево, растущее во дворе, интересует домашнюю хозяйку как стойка, к которой она привязывает бельевую веревку; поэт или художник могут воспринимать это же дерево как эстетический объект; ученый ботаник – как объект научного исследования, философ – как метафору научного познания («древо познания»), богослов – как символ вечной жизни и т.д. Словом, когда мы рассматриваем проблему истинности знания применительно к разным видам познания, мы должны иметь в виду эту ее частичность или «аспектность».

В **обыденном познании** истинность знания и его критерии фактически совпадают и сводятся к **полезности** и **целесообразности**. Те знания, которые дают в повседневной жизни человеку практическую пользу, удовлетворяют его насущные потребности, не требуя взамен больших затрат интеллектуальной или физической энергии, квалифицируются как **правильные**. Если блюдо, которое приготовленное домашней хозяйкой, приятно на вкус, полезно для организма и достаточно калорийно, чтобы не испытывать голода в течении более или менее продолжительного времени после его употребления, то ни у кого не возникает вопроса о правильности рецепта его приготовления или качестве продуктов, из которых оно сделано. Для обыденного познания более подходящей является **прагматическая концепция истины**, разработанная, в частности, в американском прагматизме.

Истина в науке понимается как **соответствие позитивных знаний действительности**. Критериями истинности научного знания являются: логический (поиск логических противоречий и ошибок), эксперимент (проверка истинности той или иной теории на локальном уровне), моделирование (создание масштабных моделей и математических моделей реальных объектов) и, наконец, **практика**. Под **практикой** понимается **целенаправленная материально-преобразовательная деятельность общественного субъекта**. Практика – не случайный акт единичного человека, а необходимый, повторяющийся процесс

использования знаний обществом в целом. Практика является одновременно и абсолютным, и относительным критерием истинности знаний. **Абсолютность** критерия практики заключается в том, что *только она может окончательно подтвердить или опровергнуть* истинность тех или иных знаний. Подтверждением теории электричества является использование электричества в быту и производстве. В то же время практика есть **относительный критерий истинности**, потому что *не все знания могут быть проверены на практике*. Например, нельзя проверить на практике гипотезы о происхождении Вселенной. Таким образом, для научного познания наиболее подходящими концепциями истины могут быть **когерентная и прагматическая**. В связи с усложнением процессов познания и их результатов, в современной науке больше говорят не об истинности тех или иных гипотез и теорий, а об их научности, т.е. отличии их от разных видов и форм ненаучного или квазинаучного знания. Для этого необходимы процедуры верификации и фальсификации, предложенные в свое время соответственно Р. Карнапом и К. Поппером. Учитывая тот факт, что существуют науки естественные, технические, социальные и гуманитарные, проблема истинности соответствующих знаний и их критериев должны еще более детализироваться и уточняться.

В **художественном познании** проблема истины предстает как вопрос о **правде** искусства. Правдивость того или иного художественного произведения определяется не только тем, насколько достоверно и объективно художник изобразил жизнь, но и тем, какое воздействие оно (произведение) оказывает на читателя, зрителя и слушателя. Если последние переживают **катарсис** (очищение - греч.), то этот факт служит важным признаком художественной ценности и правдивости того или иного произведения искусства. Искусство, которое не возвышает человека, не пробуждает в нем благородных чувств, а, напротив, разжигает в нем низменные страсти, духовно питается из темного источника. Свет истины не проникает в него. Бывало так в истории искусства, что некоторые выдающиеся творения настолько опережали свою эпоху, что их по достоинству могли оценить только последующие поколения любителей искусства. **Экзистенциальная концепция истинности** является наиболее адекватной для художественного познания.

В **мифологическом познании** истина предстает как **конструктивность** того или иного **мифа**. Для того, чтобы выявилась конструктивность или деструктивность мифа, необходимо достаточно большое время, исчисляемое нередко десятками лет. Так, например, советский миф, который объединял множество народов Советского Союза, на определенном этапе исторического развития играл положительную роль: в стране в очень сжатые сроки была проведена индустриализация, сельское хозяйство поставлено на промышленную основу, была достигнута победа в Великой Отечественной войне, быстро восстановлено народное хозяйство после войны, были значительные успехи в области науки, культуры, образования и т.д. Однако миф о преимуществе социализма и идеологические клише, сквозь призму которых воспринимался мир, многие процес-

сы внутри и за пределами СССР и социалистического лагеря, неизбежно привели к застоным явлениям в различных областях общественной жизни, вызвали разочарование у значительной части населения и в итоге подготовили распад СССР и социалистического содружества. Прямым результатом этого стал глубокий ценностный кризис, который переживает современная Россия. Когда же наша страна имела конструктивный миф о себе самой как о Святой Руси, хранительнице религиозной истины и духовном центре мира, Россия существовала не одно столетие, развивала и укрепляла свою государственность, культуру и строила продуктивные отношения с другими странами. Возвращаясь к американскому мифу, смеем предположить, что он может утратить свое конструктивное значение, ибо уже сейчас обнаруживаются его негативные тенденции. Для некоторых американцев становятся безразличными моральные и духовные аспекты их личного успеха, а сами США превращаются в мирового жандарма, диктующего свои стандарты жизни другим странам и народам. В недалеком будущем такая политика и ориентация в мире могут привести к конфронтации этой страны со всем остальным миром. Вероятней всего, мифологическому познанию наиболее соответствует **конвенциональная концепция истины**. Это относится и к личностному мифу, который возможен только при согласии человека с самим собой, в убежденности его в своей правоте, а также при условии, что его не отвергают другие люди (которые, к сожалению, могут быть и тенденциозны).

Вопрос об истине в **религиозном познании** формулируется как проблема **истинной веры**. Надо сказать, что эта проблема является очень сложной в теоретическом плане и необычайно острой и болезненной в практическом смысле, ибо она затрагивает религиозные чувства людей, принадлежащих к разным конфессиям. Интересное решение этой проблемы предложил в свое время известный философ, психолог и культуролог К.-Г. Юнг, который полагал, что **нет истинной и ложной веры, а есть своя и чужая вера**. То есть для каждого народа **своя вера** и является истинной. Такой подход исключает конфронтацию конфессий, а создает атмосферу взаимного уважения верующих. Поскольку всякая религия есть фундамент той или иной культуры, вопрос об истинности веры по сути своей – это вопрос о жизнеспособности той или иной культуры. В религиозной жизни нет другого пути, кроме пути верности своей духовной традиции и уважения к духовным традициям других народов. Таким образом, вопрос об истинности веры решается в сердце каждого верующего человека, и зависит от его верности и благочестия. Религиозному познанию наиболее соответствует **онтологическая концепция истины**, поскольку оно строится на вере в порядок вещей, данный в откровении. Известное выражение: «Каждому воздастся по вере его» в каком-то смысле иллюстрирует это суждение. В особенности это ярко выражено в христианстве, где Иисус Христос – есть Божественный Логос и Истина.

Весьма трудной задачей является определение **философской истины** и ее критериев. Постановка вопроса о том, кто из великих философов создал истин-

ную философию, нелепа и бесперспективна. В философии более ценится оригинальность **мировоззрения**, представленного тем или иным мыслителем. В нем очень значим субъективно-личностный компонент и духовно-ценностная позиция философа. Только оригинальная и глубокая (выходящая из глубины личности) мысль способна вызвать отклик, создать возможность диалога. Философия – это **мысль, рождающая новую мысль**. Вот почему сохранение и поддержание диалога мыслителей, сосуществование в культуре разных философских традиций и школ есть необходимое условие свободного творческого поиска истины. Стоит только прерваться равноправному диалогу мыслителей, как сразу прекращается процесс свободного философского творчества, а сама философия **идеологизируется**, теряет свою автономность и становится пособницей определенных политических режимов и, по существу, изменяет самой себе. Причем, идеологизация философии идет, как правило, параллельно с ее претензией на научность и абсолютную истинность. Так произошло, например, в советское время с марксизмом. Всякие попытки проверять истинность философских теорий, подобно научным, на практике губительны и бесперспективны, ибо их цена слишком высока – миллионы человеческих жизней. Для того, чтобы убедиться, насколько истинными или ложными были те или иные философские идеи, необходимо порой достаточно продолжительное *историческое время*, которое необходимо для определения верности или ошибочности теоретических положений и прогнозов на будущее, в них содержащихся. Таким образом, философии наиболее подходит **диалогическая концепция истины**.

Итак, в отдельности каждый вид познания дает нам по сути дела интенциональный предмет, и истина в данном случае касается именно интенционального, а не реального, предмета. Если же сложить воедино все виды познания, то они в совокупности будут приближены именно к реальному предмету. В таком случае знание, по сути дела, будет как бы интегрировано в само бытие. В то же время надо хорошо понимать, что истина не есть все, что есть, как мы говорили в начале этого раздела. Истина есть характеристика чего-то целого, а целое не сводится ко всему.

Обзор модификаций истины и ее критериев в разных видах познания ставит проблему поиска универсального критерия истины и универсального понятия истины. С нашей точки зрения, **общим** для всех видов познания критерием истины является **жизнь**, понимаемая в самом широком смысле этого слова: как жизнь природы, общества (человечества) и отдельного человека. Истинно всякое знание, которое поддерживает и укрепляет жизнь природы, социума и личности. Но жизнь есть нечто цельное (имеющее смысл) и целостное, следовательно, и знания, которые поддерживают жизнь, должны быть цельными и целостными. Это значит, что только в единстве всех видов познания достигается цельность и целостность знания. Всякая односторонность в познании, гипертрофия одних видов познания в ущерб другим обесмысливается и нарушает эту целостность и противоречит критерию жизни. Религиозный фанатизм Средних веков или упование на науку в XX столетии привели человечество к

страшным трагедиям. Нельзя считать истинной (не в научном смысле, а в универсальном) теорию атома, если она обернулась жертвами атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. По словам Вл. Соловьева, истина есть *всеединное сущее*, а всякое частное бытие, явление или знание, отдельное от него не есть истина. Таким образом, *Истина – это Жизнь*, которая является началом и смыслом всего сущего. Истина – это Божественный Логос: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14; 6). Всякое частное знание, связанное с ним истинно, оторванное от него – есть ложь или заблуждение. Следовательно, Истина в ее универсальном значении сугубо *онтологична*.

Анализ гносеологических проблем, понимание того, что есть знание, познание и то, каким образом человек познает мир, открывает перед нами возможность более осмысленно ставить вопрос о познании мира, человека, культуры, общества и истории.

Научное знание: структура и динамика

Современное научное познание в *гносеологическом* плане есть синтез разнообразных *форм и методов эмпирического и теоретического* уровней познания.

Основными формами научного познания являются: *научный факт* (описанное событие, поддающееся воспроизведению), *научная проблема* (нерешенная задача, исследовательская трудность, зафиксированные в вопросе или совокупности вопросов), *научная гипотеза* (предположение в виде догадки или развернутого логически стройного и систематизированного объяснения того или иного факта или совокупности фактов) и, наконец, *научная теория*. *Теория* есть высшая форма научного познания, представляющая собой систему знаний (законов, принципов, категорий, во многих науках – математического аппарата), прошедших через апробацию, т. е. выдержавших конкуренцию с другими научными гипотезами и дающих положительные результаты на практике. *Категориями* называются наиболее общие, фундаментальные понятия той или иной науки. Для физики, например, категориями являются понятия энергии, массы, движения и т. п. *Принципы* – это основополагающие положения, составляющие костяк той или иной научной теории. Так, например, принципы наследственности и изменчивости составляют основу современной биологии. *Закон* – это необходимая, всеобщая, существенная, повторяющаяся связь явлений действительности. Так, например, закон всемирного тяготения фиксирует соответствующую связь между космическими и земными объектами. По своему масштабу действия законы подразделяются на частные, общие и всеобщие. *Частные законы* – это законы конкретных наук. *Общие законы* действуют в пределах нескольких наук. *Всеобщие или универсальные законы* действительны во всех областях: природы, общества и мышления. Таковыми, например, признаются законы диалектики. По характеру действия законы делятся на *динамические* и *статистические* (вероятностные) законы. Научные теории

должны отвечать ряду критериев: *полноте* (охвата факторов соответствующей области действительности), *непротиворечивости*, *простоте* (все гениальное – просто) и *эстетическому совершенству* (красоте решений).

В научном познании используется множество разнообразных *методов*, т. е. приемов исследования. Методы соотносятся с уровнями научного познания. На *эмпирическом уровне* используются методы *наблюдения, измерения, сравнения, эксперимента* и т. п. На уровне *теоретического* исследования используются методы *абстрагирования, идеализации, аксиоматический, гипотетико-дедуктивный, математического моделирования, восхождения от абстрактного к конкретному* и т. д. *Анализ и синтез, индукция и дедукция* рассматриваются как *общелогические* методы, применяющиеся как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях научного исследования.

Научное знание не является чем-то статичным, раз и навсегда данным. Оно находится в состоянии динамики: появляются факты, противоречащие прежним теориям; рождаются гипотезы, соперничающие друг с другом; сменяют друг друга различные теории; создаются новые методы и методологии, делающие более эффективным процесс познания; возникают и распадаются научные школы и т. д. И эта динамика в значительной степени выражается в сложном и противоречивом взаимодействии форм, методов и уровней научного познания. Выдающиеся представители философии науки показали чрезвычайную сложность, противоречивость, многомерность и многозначность процессов, протекающих в научном познании.

Один из ее основоположников – *К. Поппер* открыл ряд закономерностей развития научного познания.

Во-первых, размышляя над проблемой соотношения *факта и теории*, британский мыслитель пришел к выводу о том, что всякий факт воспринимается сквозь призму определенной гипотезы или теории. Иначе говоря, научный *факт* является *вторичным* по отношению к *теории*.

Во-вторых, всякое *исследование* начинается не с наблюдений (не с фактов), а с *проблем*, возникающих на практике или в теории. Проблема же фиксируется как некое противоречие между установленными положениями, как ситуация, из которой нужно найти выход.

В-третьих, *источником* научных идей, помогающим решить проблему и объяснить научный факт, могут являться самые разнообразные факторы: философские (метафизические) идеи, мифы, сновидения, житейские наблюдения и т. д.

В-четвертых, *гипотезы*, выдвигаемые для объяснения фактов и решения проблемы, должны быть *обоснованными и подтвержденными*. Для подтверждения достоверности теории могут применяться ее *верификация* или *фальсификация*. *Верификация* – это подтверждение теории фактами. Атомистика Демокрита оставалась, по сути, философской идеей до тех пор, пока существование атома не подтвердилось экспериментально. Так метафизическая идея стала научной теорией. *Фальсификация* – это опровержение теории фактами.

Фальсификация более надежный способ обоснования научной теории и научности вообще. Так, например, опровержение тезиса о плавучести дерева как материала фактом существования эбенового дерева, которое тонет в воде, с одной стороны, служит стимулом к более углубленному изучению свойств дерева, а, с другой стороны, свидетельствует о том, что знания о дереве как таковом остаются в пределах научного познания. Метафизические же идеи могут получить подтверждение (верифицироваться), но их невозможно фальсифицировать, т.е. опровергнуть фактами.

В-пятых, *прогресс и рост* научного знания (его информативное содержание) *обратно пропорциональны степени его вероятности*. Научная истина предстает в качестве некоего идеала, выполняющем регулятивную роль. Прогресс науки заключается в избавлении от ошибок предыдущих теорий.

В-шестых, *диалектика* (имеется в виду марксистская ее разновидность), претендующая на всеобщность и универсальность своих законов, представляет собой либо некий *набор тавтологий и трюизмов*, либо есть доктрина, способная оправдать любое теоретическое положение или практическое действие.

Научное познание, как и наука в целом, развивается. Как же представить себе это развитие? Долгое время историки и философы мыслили развитие научного познания как линейный процесс кумулятивного (расширяющегося) роста научных знаний. При таком подходе фактически игнорировался качественный аспект трансформации научных знаний, гипотез и теорий.

В 1963 году появилась в свет книга американского ученого и философа *Томаса Куна* "Структура научных революций" (первый русский перевод 1977 года), в которой утверждается, что развитие науки осуществляется посредством смены *парадигм* – совокупности убеждений, ценностей, а также особых способов, моделей постановки и решения исследовательских задач. Парадигма соотносима с тем или иным *научным сообществом и научной традицией*, а смена парадигм означает *научную революцию*. Наука в промежутках между такими революциями называется *нормальной наукой*. Птолемеяевская, геоцентрическая астрономия уступила место Коперниковской, гелиоцентрической астрономии, классическая механика Ньютона была снята теорией относительности А. Эйнштейна и квантовой механикой. Таков далеко не полный перечень различных парадигм в науке. Теория Т. Куна показывает, что в позитивном научном познании и конкретно – в смене парадигм очень важную роль играет субъективный момент – культурные стандарты, национальность и репутация ученого, стандарты решения задач, типичные для конкретного научного сообщества. Смена парадигм – достаточно длительный процесс, чаще всего она осуществляется с физическим вымиранием сторонников предшествующей парадигмы. Новая парадигма побеждает, потому что ученые поверили в ее эвристические преимущества по сравнению со старой парадигмой.

Теории К. Поппера и Т. Куна были неоднозначно восприняты в среде самих постпозитивистов.

И. Лакатос, критикуя К. Поппера, утверждал, что развитие научного познания идет не вследствие противоречия между теорией и фактами, а по причине соперничества разных теорий, по-разному объясняющих одни и те же факты. Оппонируя Т. Куну, он же отмечал, что в концепции американского ученого о смене парадигм неоправданное значение приобретают психологические факторы. Получается, что смена научных парадигм осуществляется иррационально и мало чем отличается от религиозного обращения масс. И. Лакатос утверждает, что прогресс науки можно представить как историю конкуренции разных *научно-исследовательских программ*, представляющих собой последовательно сменяющие друг друга теории. Научная исследовательская программа содержит в себе свод правил, запрещающего и поощряющего характера. Она вырождается и уступает место другой научно-исследовательской программе в том случае, если перестает продуцировать вспомогательные гипотезы. Так, например, марксизм выродился именно по этой причине.

П. Фейерабенд, наиболее экзотичный представитель постпозитивизма из-за своих несколько анархистских воззрений на процессы развития научного познания, определяет науку как идеологию научной элиты, мало отличающуюся от мифологии и религии. С точки зрения американского мыслителя, в конкуренции научных теорий большое значение имеют вненаучные мотивы и критерии (политическое лоббирование, соображения материальной выгоды и т.д.). Это, объясняет он, происходит оттого, что в науке нет универсальных общезначимых методов познания и объективной основы истины.

Идею «личностного знания» развивал **М. Полани**, который полагал, что в развитии науки огромную роль играют люди с их уникальным внутренним миром, жаждой познания, верой в науку и научную истину, обладающие специальным мастерством, искусством познавательной деятельности, которые они могут в адекватном виде передать своим коллегам и ученикам только при непосредственном общении.

Итак, научное знание, неотделимое от бесконечного в своей сути процесса познания, имеет сложную структуру и динамику своего развития. Характер и направленность развития научного знания определяются многими факторами. Среди них не последнее место занимают *факторы* социального и этического плана.

Научная рациональность и ее типы

Прежде чем приступить к рассуждениям на тему о научной рациональности, необходимо определиться с понятием рациональности как таковой. Исторически так сложилось, что рациональность долгое время ассоциировалась именно с научным знанием, которое противопоставлялось разным видам вненаучного знания (мифологии, религии, философии). Однако в середине XX века стало очевидным для многих историков науки и философов, что отказывать в рациональности (т.е. разумности и целесообразности) многим видам вненаучного

знания, а также ценностным формам сознания (искусству, морали, религии) есть большая и серьезная ошибка. Это, с одной стороны. С другой же – столь же очевидным для многих стало и то, что научное познание и его результаты могут порождать непредсказуемые, иначе говоря, иррациональные последствия. Так, например, кто из физиков, работавших над тайнами атома, мог предположить, что будет создана ядерная бомба, которая уничтожит целые города с тысячами ни в чем не повинных людей.

Все эти сложные социокультурные и духовные проблемы существования науки дали основания искать рациональность не только в научном знании как таковом. Благодаря этому стали подвергаться критике сциентистский тип сознания и высокомерное отношение к другим видам познания и вненаучному знанию. Как ни странным это может показаться, но рациональным содержанием обладает, например, молитва. Интересные результаты получил в этом плане профессор В.Б. Слезин из Психоневрологического института им. В.И. Бехтерева. Изучая электрическую активность мозга молящихся людей, ученый обнаружил, что во время молитвы она становится минимальной, т.е. при активной деятельности сознания мозг практически бездействует. Этот удивительный феномен дал основание профессору В.Б. Слезину выдвинуть предположение, что наряду с тремя состояниями психики (бодрствование, длительный сон и короткий сон) следует выделять также и состояние психики во время молитвы. Однако, последняя имеет не только психологическое, но, по-видимому, и онтологическое значение. Рациональное содержание можно обнаружить, например, в камлании шамана, магических действиях сельского знахаря и т.д. Таким образом, можно сделать заключение о том, что рациональность сознания и поведения людей исторически обусловлена и тесно связана с определенной культурной традицией. Далее, вполне допустимо сделать вывод о конвенциональной природе рациональности, ибо она соотносима с определенной общностью людей. ***Рациональность как таковая*** может быть определена следующим образом: ***это есть совокупность знаний и ценностей, воспринимаемых как непререкаемая достоверность определенной общностью людей:*** этнической, конфессиональной, профессиональной и т.п. ***О рациональности как таковой*** можно судить ***по конкретным результатам***. Как бы ни казались бессмысленными или нелепыми какие-либо ритуалы, обычаи и традиции, но если они дают положительные жизненно достоверные результаты, то им нельзя отказывать в разумности и полезности.

Научная рациональность тесно связана с установлением ***причинно-следственных связей*** между явлениями, а в более широком контексте – с определением целой совокупности материальных детерминаций, приведших к тому или иному событию или явлению. Поскольку существуют конкурирующие научные теории, по-разному объясняющие те или иные явления действительности, то научная рациональность не может трактоваться как безупречная истинность одной из них. ***Научная рациональность также конвенциональна осо-***

бым образом, ибо одни ученые считают верной одну теорию, другие – полностью ей противоречащую.

В философии науки выделяют отдельно еще и *научно-техническую рациональность*, которая также имеет свою интеллектуальную специфику, поскольку все технические проекты осуществляются по заранее заданным параметрам, т.е. *на основании расчетов*, с учетом разнообразных факторов при проектировании, конструировании, производстве и эксплуатации технических устройств. Действительно, машинная техника или определенные технологии есть несомненное свидетельство мощи и великолепия человеческого разума, способного облегчать труд и делать комфортной жизнь многих людей. Однако у научно-технической рациональности есть и обратная весьма негативная сторона, которая в какой-то мере нашла свое отражение в известной поговорке: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». Современная научно-техническая цивилизация весьма противоречива. Она, несомненно, является источником многих благ, но она же и создала огромное множество самых разнообразных проблем и угроз существованию человечества. Техногенные катастрофы (трагедия на атомной станции в Фукусиме, например), экологический кризис, генномодифицированные продукты есть всего лишь маленькая толика негативных последствий научно-технического прогресса.

Научную рациональность следует рассматривать в историческом контексте. Нет и не будет никакой рациональности, данной на века и довлеющая самой себе как некая непререкаемая ценность. Каждая эпоха развития общества имеет свою специфическую рациональность: она в меру разумна, упорядочена и гармонична, но в ней содержатся также и элементы неразумности, хаоса и дисгармонии. Однако в какой-то мере благодаря именно этому противоречию и происходит развитие общества, познания и самой науки.

Три крупных стадии исторического развития науки, каждую из которых открывает глобальная научная революция, можно охарактеризовать как три исторических типа научной рациональности, сменявшие друг друга в истории европейской цивилизации. Это – классическая рациональность (соответствующая классической науке); неклассическая рациональность (соответствующая неклассической науке) и постнеклассическая рациональность. Между ними, как этапами развития науки, существуют своеобразные «связки», причем появление каждого нового типа рациональности отнюдь не отменяет предшествующего, а всего лишь ограничивает сферу его действия, определяя его применимость только к определенным типам проблем и задач.

Классический тип научной рациональности, акцентируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании исключить все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии ис-

следования и способы фрагментации мира, на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций. В классической науке теории, по сути дела, онтологизируются, научные знания трактуются как зеркальные отражения действительности, а субъекту познания отводится роль лишь регистратора и пассивного наблюдателя.

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Иными словами, уже осознается факт включенности субъекта в содержание знаний. В качестве примера можно сослаться на принцип неопределенности В. Гейзенберга, согласно которому в микромире невозможно одновременно зафиксировать момент импульса и координаты элементарной частицы. Однако связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний (т. е. указывают, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире).

Постнеклассический тип рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями.

Каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными ему основаниями науки, которые позволяют выделить в мире и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы). При этом возникновение нового типа рациональности и нового образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый новый этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего этапа. Напротив, между ними существует преемственность. Неклассическая наука вовсе не уничтожила классическую рациональность, а только ограничила сферу ее действия. При решении ряда задач неклассические представления о мире и познании оказывались избыточными, и исследователь мог ориентироваться на традиционно классические образцы (например, при решении ряда задач небесной механики не требовалось привлекать нормы квантово-релятивистского описания, а достаточно было ограничиться классическими нормативами исследования). Точно так же становление постнеклассической науки отнюдь не приводит к уничтожению всех представлений и познавательных установок неклассического и классического исследования. Они по-прежнему будут использоваться в некоторых по-

знавательных ситуациях, однако утратят статус доминирующих и определяющих современный облик науки.

Когда современная наука решилась поставить в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого смыслоопределяющего компонента включен сам человек, то требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и по-существу выступает предпосылкой реализации этой установки. Есть все основания полагать, что по мере развития современной науки эти процессы будут только усиливаться. Техногенная цивилизация ныне вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска.

Сциентизм и антисциентизм

В XX столетии, которое неслучайно стали называть веком науки и техники, обнажились противоречия между достижениями науки и ее социальными последствиями. Развитие науки, породившее колоссальные блага цивилизации, связанные с научно-техническим прогрессом, привело в то же время к пробуждению разрушительных сил, угрожающих существованию самого человечества. В этой связи сама наука как сложный социокультурный феномен становится предметом ожесточенных дискуссий, ведущихся не только специалистами, но и самой широкой общественностью. Так эйфория, связанная с достижениями науки привела к формированию особой мировоззренческой установки или умонастроения, получивших название **сциентизм** (от англ. science – наука). Строго говоря, сциентизм выражается в безграничной вере в науку, ее особую мощь и жизненное могущество в решении всех проблем, которые так или иначе стоят перед человечеством. В философском плане сциентизм абсолютизирует конкретно-научные критерии истины, методы познания и навязывает их в качестве единственно верной модели не только постижения мира, но и наиболее истинного непререкаемого отношения к нему. В 20-е годы XX века сциентизм предстает как своего рода вера в то, что именно наука обеспечит власть человека над природой и изменит общество в сторону реализации высших гуманистических ценностей. Вообще для представителей данного умонастроения характерным является отождествление научно-технического и общественного прогресса.

В связи с тем, что в XX веке результаты научных исследований стали приносить не только благо, но и зло, в общественном сознании возникает ответная реакция на сциентизм. **Антисциентизм** как мировоззренческая установка и умонастроение отрицает ценность науки, рассматривая ее в качестве дегуманизирующего фактора. Он исходит из положения об ограниченности возможностей науки в решении коренных проблем человеческого существования, а в

своих крайних формах оценивает науку как силу, враждебную подлинной сущности человека.

Резкое повышение активности антисциентизма падает на конец 60-х годов XX века. Множество людей в открыто начинают отвергать науку и вообще рациональный стиль мышления, а также ценности потребительского общества, экономическую целесообразность как фактор построения общества и т.д. Появляется скепсис по отношению к практическим приложениям науки, в медицине, педагогике, гуманитарных науках. Апогеем этих настроений становится серия молодежных бунтов 1968 г. во Франции, где антиамериканские настроения, совпадают с критикой научно-технического прогресса и ценностей данного общества. В 70-80 гг. XX века число сторонников антисциентизма увеличивается благодаря переходу в их лагерь представителей науки, разочарованных науке и научно-техническом прогрессе.

Конечно, в настоящее время трудно представить сциентизм и антисциентизм в «чистом виде», поскольку достижения науки и негативные последствия научно-технического прогресса стали очевидны всем. Тем не менее, противостояние между двумя этими мировоззренческими установками и умонастроениями сохраняется.

Сциентисты по-прежнему считают, что наука является высшей ценностью человеческой культуры и цивилизации, с оптимизмом приветствуют все новые и новые свидетельства технического прогресса.

Антисциентисты акцентируют внимание на отрицательных последствиях научно-технического прогресса, пессимистически смотрят на возможности науки и техники решить экономические и социально-политические проблемы, способность науки ответить на основные смысложизненные вопросы человека.

Вот как выглядят аргументы сциентистов и антисциентистов:

- Сциентист позитивно воспринимает достижения науки. Антисциентист выражает опасения по поводу новых научных открытий и в особенности их практического применения в разных сферах общественной жизни.
- Для сциентиста знание есть высшая культурная ценность. Антисциентист же выводит науку из ареала культуры.
- Сциентисты совершенно справедливо подчеркивают, что наука является производительной силой общества, при помощи науки и научных знаний в обществе достигается высокий уровень жизни людей, комфортность их существования. Антисциентисты, напротив, заявляют, что несмотря на многочисленные успехи науки, человечество не стало счастливее и стоит перед опасностями, источником которых стала сама наука и ее достижения. Наука не способна сделать свои успехи достоянием всех людей.

- Сциентисты считают, что только благодаря науке жизнь может стать организованной, управляемой и успешной. Антисциентисты же полагают, что понятие «научное знание» не тождественно понятию «истинное знание», а также предостерегают общество: научные знания могут служить средством манипулирования людьми и представляют угрозу человеческой свободе.

Противостояние сциентизма и антисциентизма отражает противоречивый характер общественного развития, в котором научно-технический прогресс оказывается необратимой реальностью, а его негативные последствия не только отражаются болезненными явлениями в культуре, но и порождают новые шедевры в области искусства, новые идеи в философии и гуманитарных науках. С точки зрения современного швейцарского философа Э. Агацци, правильная позиция заключается в том, чтобы «одновременно защищать науки и противостоять сциентизму»⁸.

Наука как социальный институт

Представим себе, что бы произошло, если бы в современном обществе вдруг бесследно исчезли ученые. Сразу перестали бы работать вузы и НИИ, затем через какое-то время и другие учебные заведения, а также медицинские учреждения, высокотехнологичные производства, транспорт, связь, поскольку прекратилось бы воспроизводство специалистов высшей квалификации, на чьих плечах держится все здание современной цивилизации. Без ученых современное общество в сравнительно короткие сроки выродилось бы и деградировало до уровня варварства. Эта гипотетическая ситуация со всей наглядностью и очевидностью показывает, что ученые, люди науки и сама наука в целом являются одним из важнейших структурных элементов современного общества, необходимым условием социализации людей и основополагающим фактором их цивилизованного существования. Следовательно, требуется философская рефлексия над наукой не только как особым видом познания и деятельности, важным феноменом культуры, но и как особым социальным институтом, имеющим сложную структуру и многообразные связи с разными сферами общества (политикой, экономикой, техникой, образованием, культурой, религией и т.д.).

Исходным и главным структурным элементом науки является **ученый** – научный работник, занятый исследованиями в определенной области познания (**научной дисциплине**). От его одаренности, морально-волевых качеств и организаторских способностей зависит очень многое. Современные научно-технические средства и информационные ресурсы дают возможность достаточно объективно представлять значительность научных достижений того или иного ученого. Разработаны и функционируют разнообразные информационные системы, позволяющие наглядно фиксировать количество и качество научных

⁸

Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М., 1998. С. 80.

публикаций, количество ссылок и цитирований ученых (*индекс цитирования*). Современные ученые не работают в одиночестве. Они включены в разные научные сообщества: научные школы, вузы, академические учреждения. Бывали случаи, когда *научные школы* возникали и развивались при минимуме оборудования и материальных средств. Если научные школы в совокупности составляют некое единое целое благодаря общности фундаментальных убеждений, методологии и методик исследования и подготовки кадров, то здесь имеет место *научная традиция*, существующая достаточно продолжительное время. Так, например, в СССР и затем в России были и поныне существуют разные научные школы в математике (московская, санкт-петербургская, новосибирская и др.), вместе же они составляют единую научную традицию, широко известную и уважаемую во всем мире. Современную науку нельзя представить и без других форм объединения ученых. В России ученые, работающие в научно-исследовательских институтах, объединены в Российскую академию наук или ее отделения (Сибирское отделение РАН, Уральское отделение РАН и т.п.). Научная жизнь немыслима без деятельности *научных журналов* и *издательств*, благодаря которым происходит *коммуникация* между учеными, знакомство с новыми открытиями и достижениями в разных областях знания. Управление наукой, как сложным многоотраслевым сегментом социальной и хозяйственной жизни, в России осуществляется на федеральном уровне Министерством образования и науки. Пожалуй, самая главная проблема науки как социального института заключается в ее *эффективности*, способности своевременно обеспечивать социум (прежде всего, экономику и военно-промышленный комплекс) необходимыми научными разработками и технологиями, обеспечивающими высокую динамику общественного развития и гарантирующими национальную безопасность. Эффективность же науки в конкретном социуме зависит от многих внешних факторов: роли государства в научной политике, активности и заинтересованности в научных разработках сферы бизнеса, качества образования в стране и т.д. Тем не менее, огромную роль в развитии науки и научного сообщества играют внутренние факторы. Среди них особое значение имеет сфера ценностей, на которые опираются ученые в своей деятельности.

Этика науки

Этика – это философская теория морали и нравственности. Аристотель ввел понятие этики в культурный оборот, и он же создал одно из первых глубоко продуманных и систематизированных этических учений. В повседневном языке часто отождествляют понятия этики, морали и нравственности, основанием для которого служит то, что все они оперируют одними и теми же понятиями: добром и злом, справедливостью, честью и достоинством, долгом и совестью и т.д. Однако лексическая тождественность не означает смыслового и содержательного равенства этих понятий, поскольку в этике отмеченные выше понятия являются *категориями* – инструментами познания морали и нрав-

ственности, в морали они декларируются в качестве *норм* общественно приемлемого поведения, в нравственности же они суть ценности и смыслы, которыми люди так или иначе руководствуются в своей жизнедеятельности. Вплоть до XX столетия этика существовала как общая теория морали и нравственности. Но уже в первой половине XX века стали зарождаться разные варианты профессиональной или прикладной этики: врачебная, воинская, артистическая и т.п. В них акцентировалась нормативная и императивная сторона профессиональной деятельности людей, подчеркивалась особая значимость конкретных моральных качеств личности, занятой в той или иной сфере деятельности. Этика науки является одним из вариантов профессиональной или прикладной этики. Ее возникновение свидетельствует о том, что в связи с мощным развитием науки многократно возросла ответственность ученых за их научные открытия, поскольку научные знания, материализованные в технику и технологии, несут людям не только благо, но порой и катастрофические последствия.

Далее именно сейчас в обществе наличествуют признаки глубокого кризиса светской, секуляризованной морали и этики, и вследствие этого требуются дополнительные способы моральной регламентации ученых и внешнего общественного контроля над их деятельностью.

И, наконец, радикально изменился сам «человеческий материал», задействованный в научном поиске. Если еще в XIX столетии наука концентрировалась в основном в университетах и была фактически уделом одиночек, занятых бескорыстным поиском истины, призванием и страстью души, то в XX веке наука стала сферой массового производства знаний, привлекая большое количество людей с различным уровнем дарований и разнообразием мотивов научной деятельности. Не только бескорыстный поиск истины, но и вполне земные, даже грубо прагматические стимулы стали руководством к действию у ученых и работников науки, что, в свою очередь, поставило вопрос о ценностном содержании научной деятельности и, соответственно, об особенностях поведения ученых в научном сообществе.

Этика науки чрезвычайно востребована в настоящее время, поскольку, как мы уже отмечали выше, с одной стороны, появляется возможность у ученых создания новых технологий, сулящих огромные прибыли. С другой же, современный ученый оказался перед лицом множества искушений современного потребительского общества, стал духовно зависимым от него, что незамедлило сказаться на его поведении и творческой мотивации. Именно поэтому в настоящее время остро необходима более детальная этико-правовая регламентация деятельности ученых вообще и научного сообщества в частности.

Строго говоря, современная наука ставит перед исследователями практически необъятное множество этических проблем. По своей совокупности их можно условно подразделить на две тесно взаимосвязанных между собой области этического знания.

В первом случае речь идет о **внешнем аспекте** этики науки, т.е. о сложных взаимоотношениях между личностью ученого, совершенном им научном от-

крытии и социумом в целом. Этот комплекс проблем самым непосредственным образом касается и моральных границ научного познания и его этико-социальных результатов, т.е. тех неизбежных последствий научных открытий, которые способны резко изменить характер развития общества и тем самым спровоцировать ряд роковых социальных катаклизмов. К примеру, сейчас уже совершенно очевидно, что нарушение ученым необходимой *меры должного* (социокультурно и нравственно обязательного) в самом акте научного познания может привести к очень тревожным последствиям социально-гражданского порядка. Так всем хорошо известны человеческие жертвы и экологические последствия ядерных взрывов 6 и 9 августа 1945 года в Японии, явившиеся следствием использования в военно-политических целях научных открытий в области радиоактивности. Не менее разрушительны по своим масштабам и последствиям и открытия в области генной инженерии, вызвавшие появление трансгенных продуктов, спровоцировавших затем многочисленные гормональные заболевания у людей и животных. Как отмечают многие исследователи, в современной жизни фактически нет научных открытий, *нейтральных* по своим последствиям для духовного, нравственного, социального и физического благополучия людей. Это особенно резко возросшее в последнее время количество негативных проявлений научной любознательности со всей категоричностью ставит перед человечеством проблему *этической регуляции* деятельности ученого, в какой бы области научной деятельности он ни подвизался и каким бы талантом ни обладал. В качестве примера можно сослаться на почти повсеместное запрещение правительствами многих стран экспериментов по клонированию человеческих эмбрионов или недобросовестного использования их стволовых клеток в коммерческих или околonaучных интересах. Последнее обстоятельство особенно интересно в плане общеэтической проблемы академической добросовестности ученого и его ответственности перед всем мировым сообществом за реальные (или мнимые) результаты своих научных изысканий. Так в недавнее время известный корейский ученый Хван Сок был публично уличен в фальсификации своих результатов в опытах со стволовыми клетками человека, а также в крайней моральной бесцеремонности в обращении с вверенным ему научным персоналом, явившимся для него своего рода «лабораторией» для поставки соответствующего биологического материала. Создающиеся в ряде стран общественные организации, пытающиеся по мере своих сил регламентировать деятельность ученых и устранять негативные последствия научных открытий в какой-то мере способны обострить существо проблемы и вызвать к ней интерес со стороны общественного мнения, достаточно influentialного в странах с демократической репутацией, однако, на наш взгляд, они не могут радикально изменить положение вещей в полной мере, ибо границы *дозволенного и недозволенного* в области научного творчества несомненно самым непосредственным образом соотнесены с духовным жизневосприятием ученого, его представлениями о высших, трансрациональных источниках научного познания. Онтологически взаимосвязанные как с *субъективной* нрав-

ственной ответственностью ученого перед человечеством, так и с **объективным** характером научного знания, они, так сказать, доверены людям не безусловно и не на «веки вечные», но исключительно под гарантию устойчивости и основательности их всеобщего морального «капитала», бездумная и бессмысленная растрата которого всем человеческим сообществом и прежде всего – его интеллектуальной элитой может иметь для него самые катастрофические последствия. В этом плане наиболее показательное развитие биоэтики.

Термин «биоэтика» был введен в культурный оборот в 1969 году американским научным журналистом У. Поттером. Ближайшим поводом для этого послужила операция по пересадке сердца, проведенная в 1968 году в Кейптауне доктором Бернардом. В настоящее время под биоэтикой понимается комплекс биомедицинских проблем, связанных с манипуляциями над человеческим организмом в целом или над отдельными его органами, как правило, затрагивающими сферу морально-правовых ограничений и духовной жизни человека. Проблематика биоэтики стала осознаться и обсуждаться именно в связи с началом трансплантаций жизненно важных органов от одних людей (чаще всего погибших) к другим, и неизбежно возникающих на этой основе острейших этико-правовых и духовных коллизий. К примеру: была ли смерть реципиента в момент извлечения из него жизненно-важного органа доказанной клинически и юридически, или она являлась результатом сговора медперсонала клиники в пользу интересов «клиента»? Или: правомерно ли вообще рассматривать тело одного человека как биоматериал (своего рода, «запчасти») для физической плоти другого человека, обладающего значительными материальными средствами, чтобы оплатить такого рода «услугу»? И, наконец: как же рассматривать в таком случае воскресение и восстановление человека *во плоти*, являющееся одним из важнейших постулатов христианского вероучения, если из него принудительно отторгли один из жизненно важных органов? Значит ли это, что принудительно лишенный своей плоти, он, столь же принудительно, будет лишен и бессмертия?. В настоящее время ведутся острые дискуссии по поводу клонирования, права человека на эвтаназию и др. Биоэтическая проблематика приобрела действительно глобальные масштабы, и упомянутые проблемы обсуждаются практически во всех странах, и потому нет сомнения в том, что их постановка и практическое решение имеют судьбоносное значение для всего человечества в целом. На наш взгляд, острота этой проблематики как раз заключается в том, что до конца не исследованы ближайшие и отдаленные перспективы многих биомедицинских технологий и практик именно с точки зрения развития биологического вида *homo sapiens*, а также человека как духовно-нравственного существа. Поэтому-то существуют как убежденные сторонники положительного решения многих биомедицинских и биоэтических проблем, так и их яростные противники, предрекающие многочисленные проблемы и катастрофы глобального характера именно вследствие пренебрежения к духовным последствиям этих опаснейших экспериментов над природой человека.

Нельзя не заметить, что здесь, по сути дела, сталкиваются и противоречат друг другу две разные антропологические концепции: христианская (или вообще религиозно обусловленная) и обще-гуманистическая (та, что возникла в Европе после Ренессанса и Нового времени). Есть все основания полагать, что в предельной глубине почти вся биоэтическая проблематика укладывается в великий и вечный вопрос о жизни, смерти и бессмертии человека. В основаниях же его решения обнаруживаются два подхода: один, исходящий из любви к каждому человеку как целостному духовно-душевно-телесному существу и его личности, могущей стяжать спасение в вечности; другой, опирающийся преимущественно на жалость к нему как эмпирическому субъекту, нуждающемуся в избавлении от страданий. Христос и Великий инквизитор из «Братьев Карамазовых» наиболее точно передают суть этих двух диаметрально противоположных отношений к человеку, безмерная любовь, равным образом принимающая свободу и страдание как неизбежные условия личностного становления, встречаются здесь с жалостью к человеческой слабости, уничтожающей всякий свободный выбор между добром и злом, и, как следствие, преобразующуюся во вселенскую деспотию.

В своей перспективе, в имплицитном виде биоэтическая проблематика действительно содержит вопрос о судьбах всего человечества, поскольку установки на продление физической жизни человека или, напротив, ее искусственного прерывания в известном смысле поднимают вопрос о природе социума, санкционирующего такого рода эксперименты. В то же время здесь встречаются настолько сложные в этическом плане проблемы, что всякое морализаторство и однозначные категорические суждения здесь явно неуместны. Как, например, отнестись к практикующимся уже случаям пересадки человеческого лица от погибшего донора к жертвам разного рода стихийных бедствий или обстоятельств, чей обезображенный облик причинял им неизмеримые морально-психологические страдания, всегда оборачивался шоком, переживаниями ужаса и содрогания и для них самих, и для окружающих?

Сейчас становится практически реальным продление человеческой жизни на достаточно длительные сроки за счет трансплантации органов, использования стволовых клеток и других медицинских технологий. Тем не менее, именно возможность существенного продления человеческой жизни какого-либо одного конкретного «избранного» индивида, как правило, чревата утратой человечности именно у людей, для которых это станет самоцелью. Так старость может стать олицетворением не мудрости и самоотверженности в пользу молодого поколения, а воплощенным эгоизмом, бессердечностью и аннигиляцией морали как таковой (Не случайно народная мудрость воспринимала слишком долгую жизнь, лишенную терпимости, благородства и сострадания к более молодым поколениям, своеобразным негативным опытом «заедания» или «заживания» чужого века). Иначе говоря, перспектива обретения в потенциальной форме физического бессмертия тем или иным человеком может на деле разорвать складывающиеся веками узы человеческих отношений и спровоцировать ду-

ховно-ценностный разрыв между поколениями. По существу, здесь мы имеем дело с новым и неожиданным аспектом взаимоотношений между моралью и антропологией, свидетельствующем о том, что утрата духовного содержания и смысла человеческой жизни, создавая иллюзию физической бесконечности человека, по существу уничтожает в нем и моральное начало. Если безудержное экспериментаторство над природой человека будет продолжаться и дальше, то есть все основания полагать, что помимо неизбежной эмпирической «расплаты» за них в виде новейших неизлечимых болезней, социокультурных и природных катастроф, мы рано или поздно встретимся с новым антропологическим типом – *homo immortalis*, который, по сути, будет тождественен и соприроден *homo immoralis* как таковому. В качестве иллюстрации здесь можно сослаться на знаменитую пьесу К. Чапека «Средство Макрополуса». Согласно сюжету пьесы, Елена Макрополус приняла некое снадобье, приготовленное ее отцом – знаменитым врачом, благодаря которому она живет уже в течение трехсот лет в неизменном облике. Положение ее ужасно оттого, что она, с одной стороны, полностью потеряла интерес ко всему, поскольку все в ее жизни уже неоднократно повторялось и пресыщенность жизнью полностью отравила все ее существование. Бессмертная Елена глубоко равнодушна и холодна к людям, которые ей неинтересны и опостытели до последних глубин ее омертвевшей души. С другой же стороны, по какому-то странному духовно-нравственному парадоксу человеческого бытия на земле, все та же Елена Макрополус никоим образом не хочет умирать, страшно боится смерти, ибо привычка жить вопреки всему и во что бы то ни было стала уже ее второй натурой. Тайна смерти и посмертного существования ужасает ее и своей неопределенностью, и возможностью полного и абсолютного уничтожения. На наш взгляд, это поистине пророческая и чрезвычайно интересная в антропологическом и духовно-нравственном аспектах пьеса К. Чапека как бы зафиксировала важный рубеж не только в развитии современного западного человека, но и некий кульминационный момент эволюции самой человеческой природы. В этой связи проблема смерти, умирания человека и его посмертной судьбы приобретает поистине глобальное антропо-этическое значение.

Этос научного сообщества

Проблема этической регуляции научного творчества напрямую затрагивает внутренние аспекты бытия самого научного сообщества как такового. В данном случае речь идет об *этосе ученых*, т.е. тех нравах, отношениях, правилах и нормативах поведения, которые особенно характерны для академического сообщества в целом и благодаря которым его можно этически опознать и квалифицировать.

Если вспомнить определение *этоса*, данное некогда Аристотелем, то становится несомненным, что мы вполне можем применить его и к жизнедеятельности научного сообщества. Так, согласно убеждению греческого философа, это-

сом являются нравы, обычаи и отношения, определяющие поведение живых существ в любом сообществе, будь то звериное логово, птичье гнездо или человеческий коллектив. Однако со временем это представление об этосе усложнилось. Фактически оно вообрало в себя всю сложную совокупность рационально и социокультурно фиксированных (писанных) принципов и правил, согласно которым люди должны и обязаны строить свои взаимоотношения с себе подобными; и весьма противоречивую, разнообразную, а главное – почти не вербализованную и не структурированную логически сферу нравов, обычаев, предписаний и нормативов поведения, которые хотя и достаточно широко известны определенным социальным кругам, все же весьма редко осмысляются и «проговариваются» публично. По всей вероятности, к этосу научного сообщества и следует отнести этот второй аспект социокультурных и духовно-нравственных взаимоотношений между людьми, возникающий, как правило, в процессе исполнения ими неких важных социально-гражданских обязанностей, побуждающих их к достаточно длительному сосуществованию в пространстве единого местопребывания, где вполне определенные формы и правила поведения (практически никогда не институализированные в качестве рационально-фиксированной нормы) тем не менее выступают как ценностно и практически обязательные.

Чтобы пояснить это, весьма непростое определение, мы считаем необходимым ввести несколько уточняющих аспектов.

Во-первых, будучи социальным институтом и включая в себя известное количество людей, осуществляющих решение тех или иных познавательных задач, наука, как и всякая социальная организация, не может не регулировать свою жизнедеятельность *изнутри*, иначе и ее саму, и все представляющие ее социальные структуры уже давно постигли бы хаос и разложение.

Во-вторых, хотя смысл, характер и общий стиль этой регуляции внешне и напоминают некие общежитийские нормативы и правила, употребляемые человеком во многих сферах своей жизнедеятельности, все же она существенно отличается от них поистине парадоксальным воссоединением в практикуемой самими учеными *внешней* структуре их этического действия таких глубоко противоречащих друг другу мотивов и оснований как:

- безусловного *этического идеализма* в целях и средствах научного поиска и ... *крайнего скептицизма* в отношении достоверности результата любого научного открытия, в равной мере применяемого ученым как по отношению к самому себе, так и к своим коллегам по профессии;
- *несомненного доверия*, демократизма и толерантности, практикуемых по отношению друг к другу людьми, связанными интересами единого творческого союза, и ... *строгой иерархической соподчиненности* всех и каждого *единому лидеру* того или иного научного проекта в интересах успешности общего дела и пр.;

- **солидарности** и дружеского участия друг к другу членов единого академического коллектива, объединенных изнутри едиными академическими интересами и ... нередко **острой конкуренции вовне** его, отображающая различные грани борьбы за истину во всех аспектах межличностных взаимоотношений ученых и прежде всего за лидерство в том или ином научном направлении;

- благородное **возвышение** каждым серьезным ученым **достижений своих предшественников** при скромном принижении своих собственных результатов и ... при этом **нетерпимость к коллегам**, допустившим фальсификацию результатов и в доказательствах своих научных открытий, вплоть до нередко практикуемых форм академической обструкции – понижения социального и профессионального статуса «проштрафившегося» ученого, прекращения творческих контактов с ним и пр.

Несмотря на попытки ряда ученых, и в особенности, английского социолога Мертон описать **этос научного сообщества** как идеальную систему норм, вполне поддающуюся теоретической рационализации и потому одинаково пригодную для всех академических коллективов именно вследствие их безусловной универсальности, мы полагаем, что при всех достоинствах эти представления явно нуждаются в ряде серьезных корректировок. На наш взгляд, чрезмерная универсализация этоса научного сообщества без учета социокультурных, гражданских и политических оснований жизнедеятельности ученых неизбежно страдает тем недостатком, который немецкий философ и социолог М. Вебер удачно назвал «рациональностью по цели». Так чрезмерная рационализация и нормативизация всех этических установок ученых исключительно на основании их целевой принадлежности к сообществу несомненно игнорирует также отмеченный М. Вебером второй, более глубокий тип рациональной мотивации – «рациональность по ценности», куда более достоверно определяющий поведение членов научного сообщества, смыслы и коллизии их бытия в науке и частной жизни.

Именно с точки зрения «рациональности по ценности», т.е. очень сложной системы метафизических оснований воссоединяющих интеллект ученого с его духовной свободой; неиссякаемую любознательность и всепоглощающее стремление к поиску истины с постижением сложной системы сверхрациональных ограничений и запретов, становится понятной **антиномическая природа научного этоса**, выстраивающего свою систему сдержек и противовесов в деятельности ученого не посредством непререкаемой морализации его деятельности или же попыток административного управления ею; но – посредством сложно организованного баланса между **нормативностью... без долженствования; неверифицируемостью** норм, правил и предписаний и ... наличием очень жестких **неписанных** законов и правил, неумолимо карающих любого, переступающего их по самонадеянности или своеволию, и еще многими им

подобными регулятивами и регламентациями, ждущими своих терпеливых исследователей.

Будучи чрезвычайно сложным «материалом» для изучения, этос научного сообщества, тем не менее, отнюдь не является чем-то релятивным, относительным и в силу этого рационально непостижимым. В предметно-практическом плане он в наибольшей степени фиксируется в отношениях «учитель – ученик», и там, где они построены на основаниях подлинного человеческого благородства и духовной преемственности в поиске истины мы действительно наблюдаем совершенство человеческих отношений, незамутненных ни временем, ни людскими пороками. Проиллюстрируем это важнейшее положение некоторыми фактами из истории науки и на этом подведем итог нашим рассуждениям: «Фарадею – гению физического изобретения, слабо владеющему математикой, все его великие открытия в виде формул записал Максвелл, причем нисколько не пытаясь претендовать на свое участие в этой научной работе.

Уравнения Максвелла, написанные в несколько неизящном виде из-за эфирно-механистических аналогий, в современном виде записал Больцман.

Знаменитую формулу Больцмана об энтропии привел к совершенному виду Макс Планк. И именно она, как квинтэссенция научной жизни Больцмана, выбита на его могильном камне.

Ученые же с более «позитивным» взглядом на науку, наоборот, стараются примазаться к любой работе своих более одаренных коллег и потом настаивают на важности сделанного ими вклада»⁹.

Философские проблемы конкретных наук

Каждая наука в своем развитии сталкивается с множеством проблем эмпирического или теоретического характера, которые она так или иначе со временем сама же и решает. Наряду с ними в содержании научного знания обнаруживаются проблемы, которые все же не могут быть решены усилиями только ученых, поскольку требуют философского осмысления. К **философским проблемам** конкретных наук относятся:

1. Вопросы, связанные с **основаниями** данных наук. Особенно это касается математики, многие разделы которой, по сути, не имеют своей собственной эмпирической базы;
2. Вопросы **методологического** характера, связанные с критическим осмыслением методов исследования той или иной науки и поиском новых методологий, повышающих эффективность научных изысканий;

⁹

Протоиерей Георгий Нейфах. Гармония Божественного творения. Взаимоотношения науки и религии. М., 2005. С. 371-372.

3. **Парадоксы и противоречия**, угрожающие самому существованию данной гипотезы или теории (например, парадоксы теории множеств);

4. **Гипотезы, не могущие быть проверенными** на практике из-за отсутствия фактической базы, гигантских масштабов объекта исследования или огромной удаленности его в прошлое (например, гипотезы возникновения Вселенной, жизни на Земле, происхождения человека и т.д.);

5. Вопросы, касающиеся социальных, экологических, культурных, духовных и нравственных **последствий** тех или иных научных открытий, гипотез или теорий;

Все многообразие существующих наук принято подразделять на: математические, естествознание, технические и социально-гуманитарные науки.

Попытаемся сделать краткий обзор наиболее существенных философских проблем конкретных наук, имея в виду эту классификацию.

В философии и науке до сих пор не стихают споры относительно **природы математического знания**, его происхождения и связи с действительностью. В XX веке крайне обострилась проблема **обоснования математики**. Можно выделить несколько вариантов теорий обоснования математического знания.

1. В **объективизме**, восходящем к учению Пифагора и идеализму Платона, числа, геометрические фигуры и отношения между ними рассматриваются как существующие в особом мире математических сущностей. Они открываются учеными, а не изобретаются ими. Платониками в трактовке природы математических знаний были такие выдающиеся математики, как Дж. Пеано, Б. Рассел, Г. Фреге.

2. В **конструктивизме** (С. Клини, Э. Пост, А. Тьюринг, А. Черч), напротив, утверждается, что математические объекты существуют только тогда, когда их удастся сконструировать или указать процедуру построения подобного объекта. Конструктивистская математика отказывается от абстракции актуальной бесконечности и руководствуется абстракцией потенциальной бесконечности, а также отрицает применимость закона исключенного третьего в операциях с бесконечными множествами.

3. В **логицизме** (Г. Кантор, Б. Рассел, А. Уайтхед и др.) было сделано предположение, что математика и логика тождественны, что вся чистая математика может быть переведена на язык логических терминов бесконечно малых величин. Математический объект существует, полагал Г. Кантор, если он не содержит формально-логических противоречий. Однако, логицистская программа обоснования математики потерпела неудачу в связи с обнаружившимися противоречиями (парадоксами) теории множеств. Один из них был сформулирован еще древними греками: «Критянин Эпименид говорит, что все критяне –

лгуны» (получается, что критянин Эпидем, утверждая, что все критяне, в том числе и он сам, лгуны, говорит правду, а не лжет).

4. В *интуиционизме* (Л.Э.Я. Брауэр, Г. Вейль, А. Гейтинг), возникшем на волне кризиса в математике в связи с обнаружившимися парадоксами теории множеств, существующими признаются только те объекты, которые даны непосредственно или которые можно построить на основе интуиции чистого мышления, не зависящего от языка. Последний служит лишь средством передачи результатов интуитивной мыслительной деятельности.

Каждая из упомянутых концепций обоснования математики имеет свои достоинства и солидную аргументацию, но также не лишена недостатков или противоречий. Тем не менее, чтобы решать какие-то конкретные математические задачи, необходимо делать выбор в пользу той или иной концепции математики, что математики и делают, демонстрируя тем самым, что в их науке не последнее место занимает *вера* в достоверность и истинность математического знания.

Множество *философских проблем* обнаруживаются в современном *естествознании*.

В *физике и космологии* на передний план выходят проблемы мировоззренческого характера, поскольку их экспериментальные данные, гипотезы и теории часто выходят на уровень онтологических концепций. См. об этом в разделе 8.3. данного учебного пособия.

В *биологии и медицине* также затрагиваются мировоззренческие вопросы (о происхождении жизни на Земле, антропогенез и др.), но сейчас здесь более остро дискутируются проблемы этического порядка, что связано с тем, что научные открытия в области молекулярной биологии, генетики, трансплантологии, реаниматологии и других наук сделали возможным применение новых технологий, чьи нравственные, духовные, социальные и экологические последствия остаются либо до конца не проясненными, либо видятся многими учеными, философами и общественными деятелями в достаточно мрачной перспективе.

Существенно обострились философские проблемы наук о Земле: *геологии и географии*, что связано со многими глобальными проблемами, в особенности с экологическими.

Технические науки содержат свой набор философских проблем. До сих пор среди философов дискутируется вопрос о феномене техники, ее смысле и предназначении, о духовных, культурных, социальных и экологических последствиях развития техники и технической цивилизации. Заметный вклад в осмыслении проблем техники внесли выдающиеся мыслители XX века О. Шпенглер, М. Хайдеггер, К. Ясперс, П. Флоренский, Н. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет, Л. Мэмфорд, Д. Белл, А. Тоффлер и др.

Социально-гуманитарные науки в эпоху постмодерна сталкиваются вновь с проблемами истинности знания, соотношения веры и знания, духовными ос-

нованиями и ценностным содержанием познания, исследуют диалектику общечеловеческого и национально-культурного моментов. В них происходит переориентация с объективистских методов исследования общественно-исторических и культурных процессов и явлений на персонологические, на изучение глубоких внутренних мотивов поступков великих политических деятелей, творцов культурных ценностей и ученых. Все большее значение в общественных и гуманитарных науках приобретает герменевтика, тщательное изучение и углубленное толкование разнообразных текстов.

Итак, между философией и конкретными научными дисциплинами существуют многообразные формы сотрудничества, которые их взаимно обогащают и открывают широкие перспективы для совместного решения постоянно возникающих в процессе научного познания мировоззренческих, методологических и других проблем.

Часть 2. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Предмет философии техники

Философия техники стала приобретать статус самостоятельной философской дисциплины в 60-е гг. XX столетия. Однако термин «философия техники» начал употребляться значительно раньше. В 1877 г. в Германии с таким названием вышла книга Э. Каппа. С аналогичным названием выходила в начале XX столетия книга русского инженера П.К. Энгельмейера. Тот факт, что философия техники начинает интенсивно развиваться буквально в последние десятилетия, объясняется просто: роль техники в жизни современного общества и человека стала столь велика и столь неоднозначна, что приходится серьезно задумываться об ее существовании и грядущих возможных последствиях ее использования. В философии техники сложилось **два основных направления**. **Одно** из них акцент делает **на методологических проблемах** техники и технического знания. Оно сложилось в русле неопозитивизма и исследует технику с позиций сциентизма (от англ. слова science – наука). **Другое** направление на передний план выдвигает **антропологические и духовно-ценностные** проблемы, возникающие в связи с техникой. Оно рассматривает феномен техники как онтологическую или как одну из острейших социо-культурных проблем. В данном ракурсе философия техники представлена в немецком экзистенциализме (М. Хайдеггер, К. Ясперс), у О. Шпенглера, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, Л. Мэмфорда, Ю. Хабермаса, П. Козловски, А. Гелена и других мыслителей.

Объектом изучения *философии техники* являются:

- 1) технические устройства (артефакты), рассматриваемые с точки зрения их роли и значения в жизни человека и общества;
- 2) специфика технического знания. Наука и техника: их взаимная детерминация;

3) человеческая деятельность, задаваемая техническими устройствами. Влияние техники и технологий на физическую природу, душевный строй и духовный облик человека;

4) инженерная деятельность по проектированию, созданию и эксплуатации техники. Роль гуманитарных аспектов инженерной деятельности.

Предметом философии техники, с нашей точки зрения, является, по сути, триада: **человек – техника – мир**. Философия техники исследует роль техники и связанного с ней технического знания на развитие человеческой личности, общества и всей природной среды.

Мы сконцентрируем свое внимание в основном на антропологическом аспекте философии техники, ибо именно он в настоящее время приобретает остроту и значимость для судеб человеческой цивилизации.

Понятие техники, ее сущность и смысл

Ключевым и исходным для философии техники является, безусловно, понятие техники. Слово «техника» греческого происхождения (*tehne*) и первоначально обозначало искусство, умение, мастерство, проявляемое людьми в разных сферах деятельности. В современном языке слово «техника» **имеет два основных значения**. Во-первых, техника – это **артефакты**, т.е. искусственно созданные человеком предметы. Техника – **родовое понятие по отношению ко всяким орудиям, устройствам, инструментам, агрегатам, машинам, усиливающим физическую или интеллектуальную мощь человека**. Во-вторых, техника – **это способы деятельности, обеспечивающие успешное выполнение конкретных целей и задач**. В этом плане техника охватывает чрезвычайно широкий спектр человеческой деятельности. Можно, например, говорить о технике игры на музыкальных инструментах, о технике ведения мяча в футболе, об агротехнике, о технике стихосложения или философствования и т. д. и т. п. Таким образом, в **понятии техники** выделяется **материально-предметный и операционально-функциональный аспекты**, которые, безусловно, связаны друг с другом и взаимно детерминируют друг друга. Лопата, экскаватор с механическим управлением и землеройная машина, оснащенная компьютером, разумеется, задают и разные способы деятельности соответствующим работникам. С другой стороны, характер целей и задач, стоящих перед человеком, определяют качество используемых им инструментов и машин. Для строительства землянок нужны были одни орудия труда, а для возведения небоскребов требуются совершенно другие технические устройства и технологии. Кстати, понятия техники и технологии не являются тождественными. Под **технологией** обычно понимают совокупность технических устройств, связанных друг с другом в процессе производства чего-либо. Необходимым элементом технологии является человек как работник (управленец, инженер, техник, рабочий и т.п.), непосредственно или опосредованно участвующие в производственном процессе.

Вопрос о сущности техники является дискуссионным. Авторам данного учебного пособия импонирует концепция сущности техники немецкого философа М. Хайдеггера, который придал этому понятию не только философскую глубину и значительность, но и обозначил определенные опасности и угрозы для человечества, если оно не озаботится необходимостью нейтрализации негативных последствий технической цивилизации.

Рассматривая этимологию слова «техника», М. Хайдеггер обратил внимание, что в своих истоках техника мало чем отличалась от искусства. Она была, по сути дела, *про-из-ведением*. В понятии техники фиксировались искусно сделанный предмет и деятельность мастера над его созданием. В слове «произведение» имеется две приставки: «про» и «из». В русском языке приставка «про» часто обозначает направленность действия, исходящая от субъекта. Сравните: «провел», «прошел», «проплыл» и т.п. Что касается приставки «из», то в ней нередко содержится указание на некое извлечение из чего-то, приобретение чего-то, на некую сноровку: «изрек», «избрал», «изгнал» и т.д. Родовой частицей в разбираемом слове является «вед», ассоциирующаяся с глаголом «ведать» (знать). Таким образом, *техника*, понимаемая как *произведение*, означает не что иное как возникающее в результате трудовых, творческих усилий мастера извлечение неких важнейших, сокровенных свойств вещей и процессов. По Хайдеггеру, *сущность техники* заключается *в извлечении потаенного*. Если мастер (предположим, кузнец) сделал какое-то орудие производства или какой-либо вид оружия, то очевидно, что он овладел некими знаниями (материала, технологии и т.д.), скрытых от других людей. Не случайно у многих народов кузнецы воспринимались как чародеи и колдуны. В традиционном обществе техника производилась индивидуально: мастер делал вещь сам или при помощи подмастерьев от начала до конца. В то время не было стандартов, поэтому каждая произведенная вещь была уникальной и практически не повторялась. Она несла на себе отпечаток индивидуальности мастера, а затем и владельца. В этом плане, действительно, трудно провести грань между производением искусства и технического устройства. Их сближает также то, что ни мастер, ни художник никогда не были полностью уверены в том, что их произведение удастся полностью. Они понимали, что в процессе изготовления предмета искусства или технического устройства возможны разного рода случайности, не все им безоговорочно подвластно. Отсюда процесс и результат технического и художественного творчества всегда сохранял в себе иррациональный момент, тайна вещей и процессов полностью не исчерпывалась. Отсюда бралось благоговейное отношение мастера к своему делу, сопряженное с переживаниями страха и смирения.

Сущность техники, по словам М. Хайдеггера, сохраняется и в последующие эпохи. Она остается извлечением потаенности. В ней материализуются знания человечества о законах природы. Если имеются те или иные технические достижения, то это свидетельствует о том, что открыты и используются новые закономерности, что человеческий разум идет вглубь материи, что многие при-

родные и социальные процессы становятся ему подконтрольными. Однако ситуация вокруг техники в индустриальном и постиндустриальном обществах, прежде всего, ее человеческое измерение радикально отличается от того, что было в традиционном обществе. В связи с промышленной революцией в XVII веке и последующими буржуазными революциями процесс изготовления техники и сама она стали совсем другими. Техника стала производиться на фабриках и заводах, где существовало строгое разделение труда, работников соединял не мастер, а конвейер, ставший символом индустриальной эпохи. **Техника из произведения превратилась в производство**, отличительными чертами которого являются: 1. массовый характер изготовления продукции по строго выверенным стандартам; 2. обезличенность производителей и потребителей техники; 3. труд производителей техники становится отчужденным.

Сущность отчужденного труда впервые описал и проанализировал К. Маркс в своей ранней и неоконченной работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года», в которой он постиг тайну капиталистического производства. Отчуждение труда создает феномен **отчужденного человека**, носителя **несчастливого сознания**. Отчуждение труда приобретает тотальный характер именно при капитализме.

Во-первых, оно означает, что от человека отделяется продукт труда. Производитель продукта не является его собственником. У него часто нет денег, чтобы купить то, что он сам сделал.

Во-вторых, отчуждение труда проявляется как превращение трудовой деятельности в наказание и пытку. Гениально изобразил это Чарли Чаплин в своем фильме «Новые времена», в котором его главный персонаж, выполняя в течение рабочего дня однообразные механические действия на конвейере, теряет человеческий облик, превращается в машиноподобное существо, при этом жестоко страдающее от этой метаморфозы.

В-третьих, в процессе капиталистического производства происходит отчуждение человека от человека. Это состояние характеризует отношение не только между капиталистом и рабочим, но и между капиталистами и между рабочими из-за конкуренции.

В-четвертых, при капитализме происходит разделение родовой сущности человека и его существования. Труд и творчество составляют главный отличительный признак человека, которые, по сути дела, составляют сущность, цель и смысл жизни человека. В действительности же труд превратился в средство поддержания существования человека. Человек трудится не из потребности творчества, а из нужды: если он не будет работать, то умрет с голоду.

Для спецификации техники и процесса ее изготовления в индустриальной и постиндустриальной эпохе М. Хайдеггер вводит понятие **постава**, в котором как раз фиксируется их массовый обезличенный характер и нечто чуждое, угрожающее существованию человека.

Оставаясь извлечением потаенного, техника индустриального и постиндустриального обществ, претерпела качественное изменение именно в человече-

ском измерении. Став массовым явлением, применяемая не только в промышленности и сельском хозяйстве, транспорте и военном деле, но и в быту, техника создала основу новой технической цивилизации, существенно облегчила труд и обернулась невиданным ранее комфортом существования достаточно широких масс населения. При этом положении она невольно стала восприниматься как сила, при помощи которой можно решить большинство проблем различного характера. Если учесть, что в производстве и потреблении техники участвует узкий специалист, выполняющий лишь частичную функции в ее изготовлении и использовании, главным образом рационально освоенные, то такая вера в могущество техники и способность человека сугубо рациональным способом решить все насущные проблемы, становится крайне опасной прежде всего для самого человека. Если мастер в традиционном обществе, создавая технику, а, следовательно, проникая в некие тайны мироздания, благоговел перед самим процессом ее изготовления, поскольку полностью его не контролировал, то сейчас люди благоговейт именно перед самой техникой, и утрачивают чувство наличия в природе некоего иррационального остатка, сохраняющейся в ней неразгаданной до конца тайны. Уверенность современного человека в том, что наука в будущем откроет ныне неизвестные законы и явления, а созданная на этой основе техника еще более увеличит господство над ней, является очень опасной. Самоуверенность всегда наказывается. Сугубо рациональным способом невозможно рассчитать все возможные последствия научных открытий и технических проектов. Согласно М. Хайдеггеру, в основании проектирования, конструирования, производства и эксплуатации техники лежит *рассудок или рассчитывающее мышление*, которое должно восполняться *осмысливающим мышлением*, характерном для философии и других видов ненаучного познания. Именно философия и искусство способны вопрошать, искать и находить тот иррациональный остаток бытия, который остается недоступен технике. Пока человек вопрошает, в том числе и о смысле техники, он остается человеком и предохраняет себя от уподобления технике, а значит в отдаленной перспективе и от полной зависимости от нее. Следовательно, вопрошания о смысле техники крайне важны.

Ставя вопрос о смысле техники, мы имеем в виду не техническую сторону, а именно человеческую.

Пока уровень развития техники был невысок, она воспринималась сугубо утилитарно: как способ увеличить, прежде всего физическую мощь человека. Современное состояние развития техники таково, что она заставляет задумываться о тех последствиях, которые она уже привнесла и может принести в жизнь человека в будущем.

Всякие вопрошания о смысле в конечном счете означают попытку понять некий трансрациональный и трансцендентный замысел о чем-либо в нашем человекообразном мире. Вопрошания о смысле техники есть попытка понять этот замысел в отношении человека.

Исходным, по нашему мнению, является вопрос о пределе совершенствования техники. Думается, что ответ здесь очевиден: техника может совершенствоваться до тех пор, пока блага от нее перевешивают зло, исходящее от нее. Вернее сказать, что до тех пор, пока человек при помощи техники творит больше блага, чем зла. Однако уже сейчас мы можем утверждать, что масштаб зла, которое творит человек при помощи техники, приобретает уже духовный характер. Иначе говоря, мы являемся очевидцами того, что при помощи техники наносится ущерб не только физическому и социальному существованию человека, но она становится неким посредником и орудием в той борьбе, о которой Ф.М. Достоевский говорил, что «дьявол с Богом борется и место битвы – сердца людей».

В *духовном плане* техника является *испытанием и искушением человека*.

Прежде всего испытывается и искушается *свобода* человека. М. Хайдеггер, предостерегая людей от возможности порабощения техникой, предлагал выработать у человека по отношению к ней чувство и состояние *отрешенности*: готовность в любой момент отказаться от ее использования. В настоящее время медики и психологи бьют тревогу в связи с компьютерной зависимостью подростков и молодежи, которых практически невозможно оторвать от общения в социальных сетях, путешествий по Интернету и, в особенности, разнообразных игр. Эта зависимость аналогична наркотической зависимости и в духовном плане сродни одержимости. Уже зафиксированы многочисленные случаи совершения этими людьми преступлений (убийств) близких, пытавшихся вывести их из этого состояния.

Проблема порабощения человека техникой имеет и еще более глубокий смысл. В свое время американский математик Тьюринг предложил формулу («*машина Тьюринга*»), согласно которой может наступить такой момент в развитии компьютерной техники и вычислительных программ, когда совокупность экспертов не сможет определить, кто именно: машина или человек отвечает на их вопросы. Вот это и будет переломным пунктом в развитии человечества, знаменующий, что машина достигла по своим возможностям интеллект человека, за которым последует и ее превосходство над ним. Сравнительно недавно в СМИ прошло сообщение, что такая ситуация уже состоялась: эксперты не смогли понять, кто отвечал на их вопросы. Было бы, конечно, преждевременным утверждение о том, что машина уже взяла или в скором будущем возьмет беспрекословную власть над человеком. Это связано, прежде всего, с тем, что человеческий интеллект и сознание в целом еще не изучены досконально. Следовательно, на данном этапе развития человеческой цивилизации невозможно создать технические устройства, превосходящие человеческий ум. Можно в этой связи привести такой афоризм: «Искусственный интеллект создать можно, а вот искусственную душу создать нельзя». Тем не менее, основания для беспокойства остаются. Они связаны с тем, что на фоне ускоренного развития техники, в том числе компьютерной, наблюдается неуклонная деградация ценностного, духовно-нравственного содержания сознания современного

человека. А это значит, что нужно опасаться не столько бурного развития техники, сколько именно утраты человеком своей целостности, гармоничности развития, где интеллект, воля, чувства, эмоции, духовные, нравственно-эстетические компоненты его сознания взаимно дополняют и обуславливают друг друга. К сожалению, сейчас среди людей становится все больше и больше предельно рационализированных существ, напоминающих некую машину потребления.

Современный уровень развития техники, создающий предельно комфортное существование человека, к которому он прикипел всей душой, уже привел к множеству проблем, демонстрирующих негативный эффект технизированного общества. На физическом уровне это проявляется в гиподинамии, увеличении количества тучных людей и производных от них заболеваний. Можно вспомнить К. Маркса, сказавшего, что «болезнь есть жизнь, стесненная в своей свободе». На психологическом уровне наблюдается увеличение количества разнообразных фобий и неврозов. Люди, привыкшие к анонимному общению в Интернете и социальных сетях, испытывают затруднения и преграды при личном общении. Человек замыкается в самом себе, становится морально одиноким существом, заброшенным и несчастным.

Современная техника испытывает и искушает также **человечность** человека. Никто не сомневается в том, что военная техника в развитых странах многократно превосходит по своим возможностям аналоги прошлых десятилетий. Можно вспомнить эпизод из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», в котором его главный персонаж – Г. Мелехов – во время первого боевого столкновения с неприятелем на фронте 1 мировой войны убивает австрийского солдата, несколько мгновений тому назад бежавшего в ужасе от скачущего на него русского казака. Григорий спешил к телу убитого с чувством содрогания и совершения чего-то крайне непоправимого. Его стошнило. По сути дела, он пережил сознание ужаса и противоестественности войны, чувство глубокой личной вины за содеянное. Люди, сто лет назад участвовавшие в войне, убивая противника, осознавали греховность, ложь и зло войны. Сейчас же многие участники боевых действий могут убивать сотни людей и не испытывать никаких подобных чувств и переживаний. Летчики реактивных самолетов, нанеся удары по объектам противника (нередко по мирным людям) с многокилометровой высоты, не видя лиц своих жертв, не слыша их воплей и предсмертных стонов, могут после выполненного боевого задания со спокойной совестью пойти в бар или ночной клуб. Сердца их очерствели и окаменели. Война для них есть просто работа, за которую хорошо платят.

Мы живем в обществе массового потребления и гламурной цивилизации, составляющие тот сложный и противоречивый социокультурный контекст развития техники, который и придает ей негативные черты. Именно благодаря ему современная техника испытывает и искушает саму **природу человека**, поскольку человек по своей природе, отличающей его от животных, есть существо разумное, духоносное и творческое. Современное же общество стремится превра-

тить его в машину потребления все новых и новых благ, по большей части чрезмерных и излишних для его нормального существования. Нигде так не заметны эти излишества, противоречащие зачастую элементарной целесообразности, как преимущественно и в основном в сфере техники. Сформировались большие группы людей, которые свое человеческое достоинство соотносят с дорогостоящей маркой автомобиля, презрительно воспринимая при этом владельцев более скромных транспортных средств. Фирмы, производящие средства связи, придумывают все новые и новые гаджеты, порождая у своих потребителей дух соперничества, желание иметь все более «совершенные» мобильные телефоны, планшетики и т.п. Эта гонка за новыми образцами техники извращает цели и смысл жизни человека, достигнутый комфорт существования убивает в нем жизненную стойкость, делает его неспособным переносить страдания и лишения, без которых невозможно духовное углубление личности и, наконец, сознание своего истинного предназначения на земле.

Для того, чтобы убедиться в наличии отрицательной динамики в развитии техники, необходимо совершить краткий исторический экскурс, показывающий специфику отношений между человеком и техникой в разные исторические периоды.

Техника традиционного общества

Сколько существует человечество, столько существует и техника. Однако уровень развития техники, ее качественная определенность, характер влияния на природу, жизнь общества и человека меняются от эпохи к эпохе, от одной культуры к другой. Своеобразие текущего момента заключается в том, что современная техника столь радикально преобразила мир, что остро встал вопрос о самом бытии человека. В традиционном обществе (первобытном, рабовладельческом и феодальном) используются сравнительно простые технические устройства и орудия труда, усиливающие преимущественно физическую мощь человека. Однако нельзя недооценивать значения многих технических изобретений этой эпохи. Изобретение лука, колеса, пресса, подъемных механизмов и многих других орудий и машин древности сыграли поистине революционную роль в возвышении человека над животным миром. Техника этого периода изготовлялась из природных материалов, преимущественно дерева и металлов. Она была проста по существу и в эксплуатации. **Отличительная особенность** техники традиционного общества заключается в том, что она **изготовлялась в единичном варианте**. Здесь еще практически не было массового производства, не было представлений о стандарте, поэтому техника несла на себе непосредственный отпечаток своего творца или владельца. Она была **персонифицирована**. Меч полководца или простого воина не только усиливал их поражающие возможности, но и являлся выражением их ратной доблести. Все это приводило к тому, что оружие и орудия труда почитались, а иногда и фетишизировались. Они служили, как правило, очень долго и передавались от поколения к поколе-

нию. Технические новшества в традиционном обществе были большой редкостью, что было связано с господством натурального хозяйства и простым воспроизводством продуктов. Люди производили ровно столько, сколько им было нужно для физического выживания. Техника традиционного общества обеспечивала тесную **связь человека с природой** благодаря тому, что была сделана из природного материала и являлась как бы продолжением и усилением человеческих рук, т. е. природы самого человека. Техника традиционного общества была **экологичной**, практически не наносила ущерба природе, а человек был ближе к ней, лучше ее понимал и любил. В романе Н. Арсеньева «Дерсу Узала» есть такой эпизод, в котором показано, как опытный охотник по следу человеческой ноги, оставленному на лесной тропинке, мог определить возраст, этническую принадлежность и ряд других свойств ее хозяина. Уровень развития техники оказывал существенное влияние на характер общения между людьми, степень интегрированности общества, его политическую организацию, характер войн, стратегию и тактику боевых действий. Относительная неразвитость производительных сил в традиционном обществе предопределили институт рабства в период античности и крепостничество – в средние века.

Техника индустриального общества

В индустриальную эпоху техника претерпевает качественное изменение. Это выразилось в том, что, во-первых, **техника и техническое творчество** стали развиваться на основе достижений **науки**, во-вторых, на смену относительно простым орудиям труда пришла **машинная техника**, движимая силой пара или электричества, в-третьих, производство и потребление приобрело **массовый характер**. Мощным импульсом развития техники стали изменения в сфере духовной и нравственной жизни. Реформация акцентировала внимание на земной жизни и религиозно освятила предпринимательство и инициативу во всех сферах профессиональной деятельности людей. Идея прогресса усилила тенденцию качественного улучшения жизни на земле, которое предполагало и радикальное изменение количественных показателей общественного и индивидуального бытия. Этого невозможно было добиться без **промышленной революции и буржуазного типа** отношений между людьми. Мощный и неуклонный рост промышленности опирался на достижения науки и техники. Сама же наука также все более и более технически оснащалась как в плане вооружения ученых приборами и машинами, так и в плане расширения методов и методик исследований разных природных и общественных объектов. Надо сказать, что именно благодаря науке техника стала увеличивать не только физическую, но и интеллектуальную мощь человека. В индустриальную эпоху на смену относительно простым орудиям труда приходит **сложная машинная техника**, объединенная в технологические цепочки. Эта техника требует от работников **узкой специализации**. Темп производственной деятельности и производительность труда в этих условиях несопоставимы с их аналогами в традиционном обществе. **Человек** превращается в **придаток машины**, а труд носит отчуж-

денный характер. Как уже отмечалось выше, эту ситуацию гениально отразил в своем фильме «Новые времена» Ч. Чаплин. Не случайно в начале XIX в. возникло движение луддитов, увидевших в машинной технике заклятого врага. Однако движение луддитов было всего лишь эпизодом во взаимоотношениях человека и техники. **Машины**, произведенные машинным способом, становятся **анонимными, стандартными и массовыми**. Техника индустриального периода радикально изменила жизнь общества и человека. За счет развития транспорта значительно расширились контакты между людьми. Человечество стало очень мобильным. Оно легко пересекало океаны и материки. Телефон, телеграф, а затем радио и телевидение еще более усовершенствовало эти контакты. Успехи техники в XIX и начале XX вв. стали формировать у людей уверенность в том, что при помощи техники человечество сможет разрешить все социальные проблемы. Иллюзии и утопические ожидания технических чудес развеялись в 1912 г. в связи с катастрофой «Титаника». Стало очевидным, что техника может приносить не только положительные результаты, но способствовать грозным и разрушительным катастрофам. Более того. Именно в индустриальную эпоху начали неуклонно совершенствоваться вооружения и способы уничтожения людей. Войны приобрели все более разрушительный характер, от которого чрезвычайно страдало мирное население воюющих сторон. В свою очередь, войны возникали из-за источников сырья и рынков сбыта для все возрастающего количества продукции промышленного и сельскохозяйственного производства, которое тоже приобретало индустриальный характер. Индустриальное общество было построено на экстенсивных способах производства, и поэтому оно мало заботилось об издержках производства как таковых. Получение прибыли любой ценой и ориентация на производство больших количеств товаров в конце концов начали оказывать **существенное давление на природу**, в результате чего стали ухудшаться под влиянием техногенной деятельности человека показатели качества воздуха, воды, почв. Большая часть **населения** в индустриально развитых странах сконцентрировалась **в городах**, многие из которых становились мегаполисами. Закономерным же следствием индустриальной эпохи, в свою очередь, оказалась утрата **связи с природой**. Техника и технизированное общество превратилось в барьер, разделяющий человека и природу. Это, в свою очередь, не могло не отразиться на природе самого человека. Постепенно он стал терять многие свои душевные качества: сострадание, любовь к ближнему, желание помогать им. **Отношения** между людьми все более формализовались, начиная **утрачивать глубину и духовно-нравственные основания**. Со временем откровенно утилитарный характер взаимосвязей между людьми становится доминирующим в социуме. Эта тенденция нашла отражение в художественной литературе и кинематографе. Романы О. Бальзака, Э. Золя, Т. Драйзера, Ф. Кафки или фильмы Федерико Феллини и Витторио Де Сика служат тому убедительным подтверждением. **Человек** все более становится бесчеловечным и **уподобляется машине**, занятой переработкой продуктов питания, товаров массового спроса и впечатлений жизни. Одной из весьма

заметных черт индустриального общества становится *ускорение времени*, которое фиксируется увеличением количества событий в единицу времени. Это оказалось возможным во многом благодаря развитию техники и технологий, в том числе и технологий развлечений. Техника решительно и бесповоротно вторглась в быт и мироощущение людей. Телефон, радио, телевидение практически вытеснили из их жизни книги и многие сложные явления культурной и художественной деятельности. *Люди стали меньше читать и размышлять о жизни*, что опять-таки не замедлило сказаться на природе человека, порождая в нем агрессивность, разного рода неврозы и комплексы неполноценности, сложные формы технических зависимостей и фобий. Однако все эти негативные последствия применения техники не должны подвигать нас к выводу о том, что она есть однозначное зло. Попытки романтической критики техники и призыв возвратиться к природе неоднократно делались в XX столетии, но несмотря на их некоторую социокультурную востребованность в отдельных слоях общества, все они были не вполне успешными. Надо понимать, что именно в этическом и социокультурном аспектах сама по себе техника ни благо и ни зло, она морально нейтральна. Благом или злом она становится благодаря несовершенству социальных механизмов и несовершенству самого человека. По существу аксиологическая нейтральность техники выражается также и в том, что благо, которое она несомненно приносит, незаметно превращается во зло и наоборот. Техника, которая прочно вошла в современный быт, облегчила жизнь человека, обеспечила ему комфортное существование. Но это, в свою очередь, сделала его менее мужественным и волевым, а нередко и полностью неспособным переносить трудности жизни. При этом ядерное оружие – самое страшное оружие, придуманное человеком, именно в эту эпоху несомненно заявило о себе как об особом факторе, сдерживающем и обуздывающем чересчур агрессивные устремления стран и народов, что в свою очередь отрезвляюще действует на любого потенциального противника.

Техника постиндустриального общества

Постиндустриальное общество, именуемое также *технотропным* или *информационным* обществом, становится объективной реальностью наших дней, и определяющую роль в его становлении играет качественно новое состояние техники. Для постиндустриального общества характерны широкое внедрение в промышленное и сельскохозяйственное производство *передовых технологий* и массовое использование *компьютерной* техники. Связь науки и техники становится неразрывной. Причем если в индустриальную эпоху преимущественное значение в развитии техники играли физика, механика и химия, то в условиях постиндустриального общества на первые роли выходят *молекулярная биология и математические науки*. Союз науки и техники в настоящее время дает поистине чудесные результаты. Реальностью стало то, о чем даже не мечтали писатели-фантасты XIX в. Современный человек может, не выходя из до-

ма, посредством Интернета общаться с людьми, живущими в любой точке планеты, посещать все библиотеки и музеи мира. Современная робототехника позволяет выполнять чрезвычайно сложные операции в условиях риска для жизни людей. **Робот** становится основной производительной силой во многих технологических процессах, из которых человек уже полностью изъят. Получают распространение заводы-автоматы, которые обслуживают лишь программисты и ремонтные бригады. Сложная вычислительная техника, включая и персональный компьютер, освобождают ученых и специалистов от решения рутинных интеллектуальных задач, открывая более широкий простор для творчества. Современная техника и связанные с ней технологии радикально изменили промышленное и сельскохозяйственное производство, банковское дело, связь, транспорт, образование, здравоохранение, сферу досуга и, наконец, даже быт человека. Человек рубежа XX–XXI вв. живет в сложном техницизированном мире, т. е. практически в абсолютно искусственной среде. Можно констатировать, что, по сути дела, произошел радикальный онтологический переворот в бытии человека и общества. Одной из **основных ценностей** современного мира становится **информация** и потому особой ценностью является все, что служит ее передаче, хранению и переработке. Если любой другой товар разъединяет людей, дискретен во времени и пространстве, то информация по большей части воссоединяет людей, она безгранична во времени и пространстве. Глобальные информационные сети стали фактически специфической реализацией гипотезы В.И. Вернадского и Т. де Шардена о **ноосфере** – сфере разума, надстраивающейся над биосферой Земли. Блага, которые приносит и сулит современная техника, несомненно, огромны, однако не менее огромны и опасности, исходящие от нее. Специфика современного этапа взаимоотношений человека и техники, с нашей точки зрения, заключается в том, что последняя посредством компьютеров и других информационных средств становится угрозой духовному здоровью людей. Мир информации огромен и не все его содержание отвечает требованиям высокой духовности и нравственности. Какого рода информацию выберет человек, какое воздействие на него она произведет, зависит от него самого. Одно дело, если клиент Интернета читает серьезную научную литературу или общается со своими коллегами за рубежом, и совсем другое, если он становится потребителем низкопробной продукции, оккультных учений или совершает регулярные выходы на сайты террористов или политических авантюристов. Не секрет, что именно сейчас возникла особая порода людей, предпочитающих общение с компьютером и жизнь в виртуальной реальности живым контактам с себе подобными и существованию в реальной действительности. Нередки случаи психических заболеваний на почве чрезмерной увлеченности компьютерной техникой и связанными с ней информационными технологиями. И опять мы вынуждены подчеркнуть, что опасность здесь исходит не от самой техники как таковой, а от человека и социальных институтов, которые не могут или скорее не хотят преодолевать негативные тенденции развития техники. Если значение техники гипертрофируется, и она из средства обслуживания

человека превращается в цель и смысл его существования, то тогда-то она по существу поработает человека.

Возрастающее значение техники и ее противоречивая роль в жизни современного человека и общества побуждают философию к изучению технического знания, его сущностных оснований и, как следствие, его антропологического «измерения».

Специфика технического знания

Техническое знание – это знание о созданных человеком *устройствах*, технологических *процессах* и инженерной *деятельности*. В техническом знании можно выделить *предметное, функциональное и операциональное* содержание. **Предметное** содержание технического знания составляют знания о сырье, материалах, из которого изготовлена та или иная машина, агрегат или конструкция, о всем техническом устройстве в целом или отдельных его частях. **Функциональный** аспект технического составляют знания о всех технологических процессах, протекающих в технических устройствах или совокупности технических устройств, связанных друг с другом производственной цепочкой. Сюда же входят знания об исходном сырье и конечном продукте, если он не является техническим устройством. Например, глина и вода, пройдя определенную технологическую обработку, превращаются в кирпич, но, чтобы это действительно произошло, нужно знать и соблюсти определенные пропорции смеси исходных материалов и качественные показатели конечного продукта. **Инженерная деятельность**, как важная составная часть технического знания, включает в себя также представления и о том, какое место и роль отводится техническому работнику в технологическом процессе и в процессе эксплуатации технических устройств, регламентацию его деятельности при нормальном функционировании техники и технологического процесса и при экстренных, нештатных ситуациях. Таково *операциональное* содержание технического знания.

Техническое знание имеет свою специфику, поскольку не тождественно ни естественнонаучным, ни гуманитарным знаниям.

Во-первых, объектом технического знания являются *искусственно* созданные человеком машины и технологии, а не природа и природные процессы. Хотя, безусловно, природные факторы не могут не учитываться при создании и эксплуатации техники и технологий.

Во-вторых, поскольку вся техника от примитивных орудий до сложных вычислительных машин есть результат творчества человека, то отличительную черту технического знания составляет его направленность на *конструирование*. Ничто так быстро не меняется в мире, как техника. А происходит это потому, что она постоянно совершенствуется путем постепенных и частичных преобразований или радикальных смен одного поколения техники другим. Соответственно этому столь же быстро происходит смена технического знания, вплоть до полного забвения технических знаний предыдущих эпох. Например,

сейчас не только не производятся пишущие машинки, но уже почти невозможно найти специалистов, способных их починить. Компьютерная техника элиминировала, т. е. сделала ненужным технические знания предыдущего поколения. Тем не менее эти процессы постоянного совершенствования прикладных аспектов человеческого бытия таят в себе некоторые опасности, связанные с возможностями общественного регресса из-за глобальных катастроф или истощения природных ресурсов. Если человечество не будет как-то консервировать ныне уже изжитые или отмирающие технологии и технические устройства, то оно вынуждено будет потом заново их изобретать, если, конечно, полностью не утратит способность к этому.

В-третьих, в отличие от естественнонаучных знаний, которые носят констатирующий характер, технические знания имеют цель создание техники, отвечающей *заранее заданным параметрам* (эффективности, экономичности, экологичности, эргономичности и т.д.). Не второстепенную роль в настоящее время играют здесь эстетические критерии и дизайн технических устройств и сооружений. Техника создается не только по утилитарным потребностям человека, но и по *законам красоты*.

В-четвертых, поскольку в технологических процессах осуществляются самые разнообразные взаимодействия и реакции (механические, физические, химические, биохимические, информационные и т.п.), могущие быть опасными для людей и окружающей среды, то для технических знаний очень большое значение имеет фактор *подконтрольности и управляемости* ими (этими процессами). В отличие от естественнонаучных знаний, отражающих сущность явлений, в технических знаниях акцент делается на *практической* стороне дела.

В-пятых, для технического знания характерно то, что здесь *человек* воспринимается *только как работник*, как составной *элемент технологического процесса* и как *сила* (физическая или интеллектуальная), приводящая в действие технические устройства. Его не интересует внутренний мир и личностные качества работника и уж тем более – ценности и смыслы, которыми он живет. В этом заключается принципиальное *отличие технического* знания от *гуманитарного*. В жизни современного общества, к сожалению, наметилась тенденция к отождествлению гуманитарного и технического аспектов понимания человека, что не может не привести в итоге к утрате им творческой индивидуальности и личностного своеобразия.

Феномен технократического сознания

Весьма существенным негативным последствием технической цивилизации является феномен *технократического сознания*. Его составляющими элементами выступают, во-первых, *подмена культуры* (ценностного отношения к миру) *техникой* (утилитарным отношением к миру); во-вторых, *формализация* отношений между людьми, поскольку люди выступают здесь в качестве средства достижения каких-либо узко прагматических целей, но при этом отнюдь не являются высшим смыслом и целью человеческой деятельности; в-третьих, *упо-*

добрление человека и общества машине, что предопределяет упрощенное представление о индивиде и обществе, в конечном счете служащее предпосылкой для насилия над людьми и неадекватных управленческих решений; в-четвертых, *игнорирование культурных различий между народами*, приводящее к внутренним и внешним конфликтам между ними; в-пятых, *сакрализация техники и технических устройств*, порождающая убежденность в том, что при именно помощи техники можно решить практически все проблемы, возникающие перед обществом или отдельным человеком. В конечном счете, антропологические и социальные проблемы техники не могут быть решены вне конкретного культурного контекста. Они, собственно говоря, и обострились-то вследствие отчуждения человека от духовных и культурных ценностей своей жизнедеятельности. По-видимому человек не превратится в машину и не будет до конца поработан ею, если не утратит в себе человечность, возникающую и укрепляющуюся в образовании и культуре, питающимися в основном и преимущественно духовными и нравственными ценностями.

Технический оптимизм и технический пессимизм

Оптимизм (от лат. *optimus* – наилучший), мироощущение, в основе которого лежит убежденность в господстве добра в мире, торжестве справедливости и возможности достижения всеобщего счастья. Противоположен пессимизму. Впервые термин "оптимизм" использован Вольтером для характеристики философского учения Г. В. Лейбница, утверждавшего, что наш мир "наилучший из всех возможных". Впоследствии оптимизм получил более широкое толкование, отражая некую общую эмоциональную тональность индивидуального или массового сознания. Оптимизм может быть присущ как непосредственно-чувственному мироощущению, так и мировоззрению в целом. В основном оптимизм, как правило, преобладает в настроениях людей в периоды подъема общества, расцвета культуры и является стимулом для активного, деятельного отношения их к миру и своей судьбе. Оптимистический настрой может возникнуть и во время социальных потрясений, помогая их успешно преодолевать. Доминанта оптимизма в общественном сознании способствует также осуществлению тех или иных социальных преобразований. В целом оптимизм конструктивен, поскольку придает людям чувство полноты и возвышенности бытия, ассоциируется с переживаниями удовлетворенности, радости, благополучия и счастья. Однако, если он не сопровождается рефлексией, критическим осмыслением действительности, то может принять форму устойчивой психологической установки личности на восприятие только положительных событий. В этом случае в сознании закрепляются различные иллюзии, дезориентирующие людей и препятствующие принятию своевременных и действенных социокультурных, гражданских и политических решений, вмешательству в ход общественных процессов. Нельзя не заметить, что при доминировании в социуме такого типа сознания и отношения к действительности, социум, как правило, до-

статочно легко поддаётся дезинформации и манипулированию со стороны заинтересованных в этом людей и общественных групп. При этом прозрение масс, которое со временем неизбежно наступает, оборачивается тотальным разочарованием и по закону социально-психологической инверсии оптимизм сменяется *пессимизмом*. И чтобы это не стало грустной и разрушительной реальностью, нельзя не констатировать, что только практические сдвиги в обществе в сторону конструктивных изменений могут настроить сознание людей на более жизнерадостное видение действительности.

Утопичны и вследствие этого социально опасны представления о том, что можно построить общество, в котором полностью исчезнет зло и победит безусловное добро. Эти этические категории – вечные спутники человеческой жизни и коренятся в самой природе человека. Только трезвый, реалистический взгляд на мир, историю вообще и человека в частности обеспечивает людям надёжное будущее, ибо в данном случае они будут психологически подготовлены к жизненным случайностям и неожиданностям.

Оптимистическое мировоззрение играет большую роль в воспитании детей и молодёжи, ибо без веры в добро, справедливость, счастливое будущее невозможно нравственное становление личности. В то же время совершенно бесперспективна педагогика, игнорирующая теневые стороны жизни, не понимающая значения в воспитании и самовоспитании личности духовно-нравственных страданий, пережитых сложных событий истории и личной биографии. Только тогда оптимистическое восприятие положительно, когда оно включает в себя готовность человека терпеть и преодолевать тяготы жизни и отражает жизненную стойкость, а не мечтательную и идеалистически-благодарную настроенность людей.

Пессимизм (от лат. *pessimus* – наихудший), мироощущение или умонастроение, в основе которых лежат убеждение в тотальном господстве зла в мире и человеке, неверие в установление справедливости и в возможность решения конкретных жизненных проблем. В духовно-ценностном и нравственно-психологическом аспектах радикально противоположен оптимизму. Впервые пессимистическим назвал своё учение А. Шопенгауэр, объявивший существующий мир "наихудшим из возможных", поскольку в нём царят безысходные страдания и несчастья. С позиций пессимизма, вся человеческая история рассматривается как неуклонный регресс, а человек воспринимается как существо от природы злое, порочное или слабое и совершенно неспособное преодолеть свои недостатки. Пессимистическое видение настоящего и будущего часто сочетается с идеализацией прошлого, которое кажется привлекательным потому, что давно минувшее зло уже теряет свою актуальность для людей, в то время как трудности и проблемы настоящего вызывают чувство постоянной озабоченности или страдания, а неопределённость будущего вселяет в человека сомнения и тревогу. В предельном нравственно-психологическом наполнении

пессимизм может вырождаться в цинизм, и, таким образом, стать духовной основой отклоняющегося поведения.

Как правило, пессимизм получает распространение в кризисные периоды истории и биографии той или иной личности. Вообще пессимизм сам по себе углубляет любой кризис, а люди, испытывающие или по тем или иным причинам не могущие преодолеть его сознательно и творчески, обречены на социальную пассивность или эксцессы невротического состояния психики, опять-таки провоцирующие социальную нестабильность.

Проявления пессимистического настроения большей частью связаны с проблемами, так называемых, критических периодов в развитии личности. В ряде случаев устойчивое и длительное пессимистическое отношение к миру свидетельствует об отклонениях в психическом и нравственном здоровье человека и требует особого внимания со стороны соответствующих специалистов.

Все эти общетеоретические положения, в той или иной мере касающиеся оптимизма и пессимизма, специфическим образом преломляются применительно к технике и научно-техническому прогрессу. Долгое время в истории человечества техника не составляла предмета для философской рефлексии и не вызывала поэтому каких-то особых чувств и переживаний: ни духовных, ни нравственных, ни, тем более, эстетических. Она рассматривалась в контексте предметов домашнего обихода, не более того. Однако, начиная с Нового времени, после промышленной революции, произошедшей в Европе, роль техники в жизни общества становится все ощутимее и значимее. Возникновение крупного механизированного производства с применением пара, а затем электричества резко увеличила производительность труда, одновременно облегчая физические усилия работников. Эта ситуация стала порождать амбивалентные реакции людей: у одних восхищение, у других, напротив, крайнее раздражение и злобу. Последние были связаны с тем, что машина начала вытеснять рабочего: появилась безработица как особое социальное зло, обрекающее людей на голодную смерть. На этом фоне зародилось движение луддитов.

Луддитами называлась группа английских рабочих, протестовавших в начале 1800-х годов против изменений, которые произошли в результате широкого применения машин и считавших, что их рабочим местам угрожает серьезная опасность. Часто протест выражался в разрушении машин и оборудования. Движение быстро распространилось по всей Англии в 1811 году, и оно повлекло за собой варварское разрушение шерстяных и хлопкоперарабатывающих фабрик, пока английское правительство жёстко его не подавило.

Главными очагами восстаний были графство Ноттингемшир в ноябре 1811, за которым последовали восстания в Йоркшире и в Ланкашире. Уничтожение машин было объявлено преступлением, наказуемым смертной казнью. Впоследствии рабочие стали выражать свой протест уже не против машин, а против

капиталистов как их владельцев и протагонистов. Однако среди наемных работников вплоть до настоящего времени отчасти сохраняется настороженное отношение к новым техническим устройствам и технологиям, затрудняющим взаимодействие человека с машиной и, как следствие, угрожающим их значению как творческой и производительной силы. Тем не менее, на протяжении всего XIX века успехи науки и техники, широкое их внедрение и использование не только в промышленности и на транспорте, но и в быту, все более и более настраивали людей на позитивное восприятие техники, поскольку благодаря ей заметно облегчался не только их труд, но и все более комфортным становился быт, а путешествия на дальние расстояния уже не казались столь обременительными и затратными, как это было раньше. Так постепенно в общественном сознании сформировалось настроение технического оптимизма – веры в безграничные возможности науки и техники в деле всевозрастающего совершенствования жизни общества и человека. Это настроение оставалось неизменным до апреля 1912 года, до трагической гибели океанского лайнера «Титаник», столкнувшегося в Атлантическом океане с айсбергом. Считавшийся настоящим чудом техники, огромный пароход в считанные часы погрузился в океанские пучины, увлекая за собой более тысячи своих пассажиров, которым даже в кошмарном сне не могла явиться картина такой невиданной ранее катастрофы. Ужас и отчаяние охватило не только выживших в этом кораблекрушении, но и все остальное человечество, которое впервые со всей очевидностью осознало масштабы возможных техногенных катастроф. Вскоре началась I Мировая война, через два десятка лет после ее окончания вспыхнула II Мировая война, общим итогом которых оказалось около 70 миллионов погибших не только военнотружущих, но и мирных граждан. Такое огромное количество жертв стало прямым следствием широкого применения самых совершенных технических средств уничтожения людей: авиации, танков, подводных лодок и надводных кораблей, реактивной артиллерии и т.д. После II Мировой войны стали очевидными новые негативные последствия широко развернувшегося научно-технического прогресса. Это прежде всего, так называемые, глобальные проблемы в виде экологического, энергетического кризиса, угрозы ядерной войны и т.д. и т.п. На этом фоне в общественном сознании стали возникать настроения технического пессимизма, чувство огромной опасности, исходящей от техники и новых все более оригинальных и совершенных технологий. Так в общественном сознании постепенно возникли две противоположные позиции: яростные поборники науки и техники, полагающие, что при помощи их человечество способно разрешить практически все проблемы, так или иначе возникающие на его пути и не менее яростные противники технической цивилизации как угрозы естественному бытию человека и самому виду *homo sapiens*. Со временем эта борьба нашла отражение в произведениях искусства, в философии и в разных общественных движениях.

Сближение идеалов естественно-научного, технического и социально-гуманитарного знания

Идеал науки – это мыслимая совершенная форма научного знания. Поскольку современная наука неоднородна и делится на три основных раздела, то приходится говорить об идеалах естественных, технических и социально-гуманитарных наук.

В естествознании со времен Галилео Галилея, утверждавшего, что Бог – математик, эталоном считалось именно математическое естествознание. Вплоть до 30-х годов XX века ученые полагали, что чем более научная теория формализована и насыщена математическим аппаратом, тем более она совершенна, научна и достоверна. Однако открытие К. Гёделем теоремы о неполноте серьезно поколебало эти установки. И дело здесь в том, что, согласно этой теореме, всякая непротиворечивая теория в принципе неполна. Стремление же к полноте теории неизбежно приводит к противоречиям, неразрешимым парадоксам, наподобие парадокса лжеца – классического образца неразрешимого противоречия. Парадокс лжеца известен еще со времен античности: «Критянин Эпиминид утверждал, что все критяне лжецы». Если вдуматься, действительно, получается неразрешимая с логической точки зрения ситуация. Если Эпиминид говорит правду, утверждая, что все критяне лжецы, то значит и он сам – лжец. Однако, публично признавая себя лжецом, он фактически подтверждает истинность исходного утверждения. Если же исходить из того, что Эпиминид лжет, то получается, что он опять-таки прав, ведь все критяне, в том числе и он, лжецы. Парадокс лжеца имеет и другие формулировки: «то, что я утверждаю сейчас – ложно», или просто «Я лгу».

В конце XIX века развитие теории множеств вселило в ученых определенную надежду на то, что математику в целом можно поставить на непоколебимое основание и, таким образом, выразить в терминах теории множеств решительно все математические понятия. Однако обнаружившиеся парадоксы теории множеств в свою очередь показали, что с помощью логически безупречных рассуждений можно обосновать одновременно и утверждение, и его отрицание, т.е.. собственно говоря, два взаимоисключающих суждения. Таким образом, получается, что если далее следовать установкам на расширение математического аппарата теории и идти по пути ее максимальной формализации, то существует опасность включения в ее содержание противоречащих друг другу суждений, положений и концепций, что несомненно принижает ее научную ценность. Действительно, нельзя же верить теории и делать ее руководством к действию, если в ней содержатся взаимно исключающие друг друга утверждения?! С другой стороны, если минимизировать формальный аппарат теории, то она, как правило, становится теоретически неполной и не отражает собой все богатство изучаемого объекта. Здесь опять возникает парадокс, но уже более широкого масштаба и так до бесконечности. Все эти обнаруженные учеными парадоксы теории множеств не могли не вызвать кризис философских основа-

ний математики, а, следовательно, и всего естествознания, уповавшего на математику как эталонное знание. Однако эта ситуация, будучи чрезвычайно сложной и противоречивой теоретически, вновь побуждает ученых более взвешенно относиться к математическому содержанию научного знания. Тем не менее, современное естествознание по существу остается всецело математическим.

Технические науки в силу своей глубокой связи с естествознанием не могут не нести в себе его установки по части идеалов научного знания. Математические исчисления составляют важный компонент технического знания. В то же время техническое знание предполагает создание технических устройств и технологий по заданным параметрам. Техника создается для человека, исходя из его насущных потребностей. Она человекоразмерна, антропологически детерминирована и поэтому должна соответствовать определенным критериям, удовлетворяющим индивида и общество. Следовательно, и техническое знание как-то должно ориентироваться на данные установки, способствуя повышению производительности труда и облегчению физических и интеллектуальных усилий человека. К этому необходимо добавить, что в современных условиях техника вынуждена отвечать требованиям экологической безопасности, энергетической малозатратности, экономичности, эргономичности и эстетической привлекательности и пр. характеристикам.

С идеалом социально-гуманитарного знания дело обстоит гораздо сложнее.

Прежде всего необходимо разделить понятия выступающие как нечто взаимодополнительное в этом контексте: так социальные знания – это прежде всего знания об обществе, истории его возникновения, типах и формах социальных общностей и способах управления ими и т. д. и т. п., а гуманитарные – это прежде всего знания о человеке. Поскольку общество не бывает без людей, а человек не может стать человеком вне социума, то, понятное дело, что грань между социальными и гуманитарными знаниями является достаточно условной.

Помимо этого следует осуществлять различия между социально-гуманитарными знаниями и социально-гуманитарными науками. Философия, религия, искусство мифология содержат в себе социально-гуманитарные знания, но не являются в строгом смысле науками. К социальным наукам относятся: социология, экономическая теория, демография, история, лингвистика, правоведение и т. п. Гуманитарные науки включают в себя психологию, антропологию, педагогику, филологию и др.

Общество и человек являются весьма специфическими объектами исследования, заключающиеся в том, что они – чувственно-сверхчувственные реальности, в то время как природа – исключительно чувственная. В этом смысле общество и человек также включают в свой состав предметно-вещественную сторону. Человек прежде всего биологическая особь, а общество – совокупность людей и материальной цивилизации, которые являются эмпирически достоверными. Наряду с этим и человек, и общество обладают символическим содержа-

нием. В них есть скрытое за вещественным составом некое сложное смысловое содержание, требующее определенной «дешифровки». Возьмем, к примеру, деньги, точнее бумажные купюры. С точки зрения их материального содержания они безусловно являются не более чем раскрашенными бумажками с разными степенями защиты от подделок. Однако из-за этих бумажек случаются ужасающие человеческие трагедии, поскольку именно деньги символизируют степень богатства или бедности, успешности или неуспешности индивида в современном обществе, признаваемые в качестве чуть ли не главного критерия человеческого достоинства. Широко известны такие случаи: когда европейцы стали открывать архаичные племена в Африке или Южной Америке, они далеко не сразу обнаружили, что достоинство человека там определялись не его физической красотой или силой, но характером татуировки, нанесенной на лицо или другие части тела. Как раз эти татуировки определяли место человека в социальной иерархии, его заслуги перед соплеменниками и личные доблести. Игнорирование же этой, специфической для каждого индивидуума татуировки было равнозначно нанесению ему жестокого оскорбления.

К этому следует добавить, что не только социально-гуманитарные знания, но и соответствующие им науки весьма зависимы от определенной культурной традиции. В реальности они могут нести на себе печать той или иной идеологии, т.е. отражать действительность сквозь призму интересов определенных социальных групп, классов или наций.

Нам представляется, что вследствие этих предварительных констатаций и обобщений социально-гуманитарные науки явно не могут быть отождествлены с естественными и техническими.

Чтобы быть достоверными не только в сугубо теоретическом, но и житейско-прагматическом аспектах, социально-гуманитарные науки должны диалектически воссоединять в себе моменты общечеловеческого и культурно-специфического. Если же в социальных и гуманитарных теориях игнорируется культурное своеобразие и делаются попытки универсализации общественных или человеческих закономерностей, то они превращаются в слишком абстрактные и оторванные от действительности знания. Когда же, напротив, чрезмерно педалируется и гипертрофируется национально-культурное содержание, то тогда социально-гуманитарные знания могут утратить статус науки и превратятся в разные варианты мифологии или утопических прожектов.

Таким образом, мы вынуждены констатировать различие идеалов естественных, технических и социально-гуманитарных наук, и это состояние научного знания как такового едва ли можно характеризовать как нормальное или оптимальное. Мир целостен, и знания о нем также должны представлять собой определенную целостность и единство. Так и было в Античную эпоху и в Средние века. Утрата же целостности научного знания и знания вообще произошла в Новое время в Европе из-за методологических установок картезианской философии, положившей непроходимую грань между позитивной наукой,

изучающей материальный мир, и философией с богословием, обращенных в сторону духовного мира.

Тем не менее, стремление к сближению разных типов научного знания возникло уже в начале XIX века.

Первым опытом преодоления разрыва между естествознанием, техническими и социально-гуманитарными науками был **позитивистский проект**, пытавшийся социально-гуманитарные знания уподобить естественнонаучным или техническим и по результатам их деятельности, и по общеметодологическим основаниям. По существу он означал крайне вульгарную в теоретико-методологическом плане и потому интеллектуально неоднозначную редукцию более сложных систем к менее сложным. Очень характерна и символична в этом плане работа французского философа-материалиста Ламетри под сакраментальным названием «Человек – машина». В этом же ключе была создана экономическая теория физиократов, представлявших общество в качестве некоего аналога биологического организма. Позитивистская попытка синтеза наук на основе их редукции, разумеется, не могла увенчаться успехом, поскольку чрезвычайно упрощала и вульгаризировала прежде всего социальные и гуманитарные науки, не смогишие в силу теоретико-методологического извращения своей сущности дать сколь-нибудь адекватные объяснения многим общественным явлениям.

Своеобразной реакцией на позитивистский проект стала неокантианская концепция, разделяющая науки о природе и науки о культуре. Так, В. Вильденбанд и Г. Коген пришли к выводу, что между естествознанием и техническими знаниями, с одной стороны, и социально-гуманитарными, – с другой, имеется принципиальная разница, заключающаяся в том, что в первом случае науки построены на генерализирующем принципе, т.е. обобщениях знаний в некие универсальные законы, а во втором, наоборот. – на индивидуализирующем принципе, акцентирующем значение уникальности культурных систем и ценностей, лежащих в их основе.

Своеобразный способ решения проблемы единства наук предложил в конце XIX века Н.Ф. Федоров – основоположник и один из ярких представителей русского космизма. В своей «Философии общего дела» он провозгласил, что общее дело, которое может объединить всех людей, ученых и неученых, верующих и неверующих, есть ни что иное как воскрешение умерших людей. Вся совокупность научных знаний и религиозных верований должна быть устремлена к решению данной задачи.

Развитие науки в последние десятилетия предлагает и не такие экзотические способы решения проблемы единства наук и сближения идеалов естественных, технических и социально-гуманитарных наук.

Существуют определенные онтологические основания единства наук, получившие отражение и выражение в ряде научных гипотез и теорий. Так, например, теория Большого Взрыва и сопряженный с нею *антропный* принцип в космологии утверждают и подтверждают эмпирически и математически, что

возникновение и развитие Вселенной самым непосредственным образом связано с возникновением и развитием человека. Наша вселенная так устроена и таким образом эволюционирует, что все свидетельствует о том, что появление человека было как бы запланировано заранее.

В современной науке прочно утверждаются *холистские* (holos – целое) принципы, согласно которым все в этом мире (природном, социальном, техническом) устроено на основаниях голографического порядка, суть которого состоит в том, что каждая часть содержит в себе всю информацию о целом, а целое – о части.

Онтологическое и методологическое основание единства знаний просматривается также в *синергетике* – универсальной научной теории, выявляющей закономерности развития сложных открытых динамических систем во всех областях действительности: природе, обществе, культуре, технике и цивилизации. Все науки (естественные, технические, социально-гуманитарные) могут рассматривать динамику объектов с точки зрения соотношения и взаимодействия в них хаоса и порядка. Из хаоса рождается порядок, а порядок, наоборот, может распасться в хаос. Задача любой науки состоит в том, чтобы находить точки бифуркации, в которых происходит этот переход и в каком-то смысле научиться управлять этим процессом.

Наконец, возникновение и развитие информатики создало прагматическую основу единства наук и их идеалов. Информатика является не столько научной теорией, сколько широкой областью применения вычислительной техники, успешное функционирование которой обусловлено синтезом знаний самых разнообразных наук: естественных, технических, социальных и гуманитарных. Трудно себе представить современную компьютерную технику без физических, химических, нейрофизиологических, филологических, математических и многих других знаний.

Жизнь как категория наук об обществе и культуре

Зададимся вопросом: не является ли использование категории «жизнь» в социальных и гуманитарных науках проявлением редукционизма, т.е. стремлением объяснить явления общественной жизни с позиций биологии, поскольку понятие жизни является уделом именно биологических наук? С нашей точки зрения, применение понятия жизни к обществу не только правомерно, но и необходимо. Это связано не только с тем, что общество невозможно без деятельности живых людей, что общество есть живой организм, но и с тем, что в прагматическом плане оперирование категорией жизни применительно к обществу в целом или отдельным его сферам является чрезвычайно адекватным и действенным. Это особенно ярко проявляется в кризисные периоды общественного развития, когда неизбежно возникают вопросы радикального плана: продлить ли существование общественных структур в прежнем виде ли же начать строить общественную жизнь на новых основаниях? Таким образом, ка-

тегория жизни в социально-гуманитарных науках является не только продуктивным инструментом познания, но и основанием для определенных практических решений.

Каковы же критерии жизни и как они могут быть применены в социальном познании и практической деятельности в области социума, культуры, цивилизации и социализации людей?

Во-первых, **всякая жизнь**, будь то жизнь биологической особи, популяции, общественной структуры или человеческого индивидуума, представляет собой некую **целостность**, которую нельзя представлять как совокупность частей. Необходимо определить структурный элемент системы, которая придает ей качество целостности. Для человека, например, его сознание и является основой его целостности. Человек как социальное существо, способное к общению, труду и творчеству невозможно без сознания. Целостность общества определяется рядом факторов, но главный из них – это наличие государства и его способность управлять обществом. Целостность той или иной культуры главным образом определяется религиозно-духовной традицией. Следовательно, если мы исследуем какой-либо социально-гуманитарный объект, то мы должны в первую очередь выявить те структурные элементы, которые обуславливают их целостность, определяют их жизненность и жизнеспособность.

Во-вторых, **жизнь динамична**, изменчива, текуча, непрерывно развивается, т.е. имеет определенную направленность изменений. Исследуя социально-гуманитарные объекты, необходимо понять, в какой стадии развития они находятся, в каком направлении развиваются (прогрессируют или регрессируют), и каким образом следует воздействовать на них, чтобы они получали конструктивные импульсы.

В-третьих, всякая **жизнь пространственно локализована**, т.е. относительно автономна и индивидуализирована. Это касается и человеческого индивидуума, и социума. Подобно тому, как сиамские близнецы нежизнеспособны именно по причине слияния двух особей, так же могут быть нежизнеспособными искусственно созданные социальные образования или культурные симбиозы. С другой стороны, опасна и фрагментизация социальных объектов, которая может привести их к утрате целостности. Распад СССР имел катастрофические последствия для многих республик, входивших в его состав. Утрата политического суверенитета, экономический спад, деградация науки и образования, утрата социальных гарантий, в отдельных случаях непоправимый регресс общества с возвратом к архаичным традициям и верованиям – вот далеко не полный перечень бед, свалившихся на головы населения бывших советских республик.

В-четвертых, жизнь существует только там, где имеется некий **обмен вещами, энергией, информацией** внутри и вовне социально-гуманитарного объекта. Важно, однако, чтобы метаболизм социальной системы держался в разумных пределах. Здесь всякие крайности вредны для любого живого организма: социального или человеческого. События последних лет показывают, что ин-

формированность общества – тоже дело очень тонкое и деликатное. Информационный обмен может созидать и разрушать, а информационные войны несут вполне реальную смерть, а не только виртуальную.

В-пятых, ***жизнь невозможна без порождения нового***. Если в обществе в целом или в отдельных его сферах не возникает новое, позволяющее им приспособливаться к изменившимся условиям: экономическим, политическим, климатическим, геологическим, историческим и т.п., то их судьбы представляются весьма проблематичными. В то же время не всегда появление нового может быть прогрессивным и благим. Следовательно, перед исследователями стоит проблема определения качественности возникающего нового. В современном мире наблюдается противоречивая картина: с одной стороны, происходит бурное и стремительное развитие науки и техники, порождающие новые образцы высокотехнологической продукции, а, с другой, – наблюдаются декадентские тенденции в культуре и искусстве, возникают произведения массовой культуры, демонстрирующие падение эстетического и художественного вкуса, безмерно эксплуатирующие темы насилия и эротики.

В-шестых, ***жизнь неотделима от смерти***, все живое умирает, более того, жизнь и есть умирание. За год 80% клеток живого существа, включая и человека, отмирает, Благодаря этому продолжается жизнь. Смена поколений – необходимое условие жизни общества. Государства и цивилизации не вечны. Всегда имеется риск их деградации, распада и гибели. В настоящее время остро стоит вопрос о существовании самой человеческой цивилизации на Земле. Перед современными исследователями в области социально-гуманитарных наук встает сложная задача в определении оптимальных путей развития конкретного общества и всей человеческой цивилизации в целом.

В седьмых, ***жизнь*** вообще и жизнь человека и общества настолько сложны, изменчивы, противоречивы и порой загадочны, что всякие претензии построить исчерпывающую теорию жизни являются безосновательными. Полная рационализация жизни во всех ее проявлениях невозможна, в ней всегда остается некий ***иррациональный остаток***. Это суждение не должно служить поводом для приписывания авторам иррационализма и пессимизма в постижении жизни как социально-гуманитарного феномена. Напротив, мы считаем, что теория жизни должна непрерывно совершенствоваться, чтобы не отстать от нее и не стать основой для ошибочных решений, как правило, влекущих за собой деструктивные последствия для социума и людей.

Методологические проблемы современного социально-гуманитарного знания

В среде ученых известен такой афоризм: «Ученый, который ничего не может открыть путного в науке, начинает заниматься методологией». Действительно, в научной среде нередки случаи, когда методологическими изысканиями занимаются ученые, которые, к сожалению, нередко являются теоретически бес-

плодными. Иными словами, эти ученые берут на себя смелость учить других ученых как делать научные открытия. В этом парадоксальном высказывании тем не менее схвачена очень важная проблема: соотношение между теорией и методологией. С нашей точки зрения, методология может развиваться только на основе какой-либо теории. Известный российский психолог В.П. Зинченко справедливо утверждал: «Никакая методология не помогает, если в науке нет приличных теорий»¹⁰.

Здесь мы должны прежде всего определиться в понятиях. Под научным методом мы будем понимать способ добывания новых знаний. «Методология» буквально означает учение о методах. В действительности же методология представляет собой определенную парадигмальную установку, опирающуюся на конкретную научную теорию. Например, мы говорим «марксистская методология» или «цивилизационная методология», имея в виду, что общественные явления исследуются с позиции марксизма или цивилизационной теории с применением всего арсенала методов, получивших развитие в данных теориях.

Обращение к методологическим проблемам социально-гуманитарных наук обусловлено отчасти все возрастающим значением последних. Известному антропологу и культурологу К.-Л. Строссу приписывают слова: «XXI век будет веком гуманитарных наук, или его не будет вообще». Действительно, в XX столетии преобладали естественные и технические науки, благодаря которым получила развитие современная технотронная цивилизация, давшая людям невиданное прежде могущество над силами природы. Однако рост интеллектуальной и технической мощи человечества сопровождается значительным регрессом современного человека в духовном и нравственном аспектах, что и делает наше будущее весьма проблематичным и непредсказуемым. В каком-то смысле ответственность за такое положение несут и сами социально-гуманитарные науки, поскольку общественное развитие осуществлялось и осуществляется по тем ориентирам, которые именно в них получали свое теоретическое обоснование.

Следовательно, для того чтобы социально-гуманитарные знания были более достоверными и содержали в себе долгосрочные всесторонне обоснованные научные прогнозы, нужно озаботиться анализом арсенала средств и методов научного познания в этой сфере.

Анализ авторефератов диссертаций по социально-гуманитарным наукам показывает, что в большинстве из них содержится стереотипный набор методов, подходов и методологий, на которые опираются в своих исследованиях соискатели ученых степеней. Как правило, большинство диссертантов указывают в своих работах, что они использовали при исследовании той или иной проблемы диалектический метод или системный подход.

Однако очень часто упомянутые методы применяются бездумно, некритически, без творческих моментов.

---

¹⁰ Зинченко В.П. О методологической культуре психологов // Культурно-историческая психология. 2012. № 1. С. 60.

Диалектический метод как систематизированное знание универсального характера представил Гегель. Диалектика Гегеля – это философская теория и философская методология, разработанная в контексте его философской системы, т.е. развернутого мировоззрения, принадлежащего именно этому великому немецкому философу. Диалектику Гегеля не следует отрывать от его философской системы и онтологизировать её, как это происходило в советское время. Если представлять диалектику Гегеля как совокупность вечных онтологических законов, то отпадает всякая потребность творческого исследования социальных или гуманитарных проблем. Последние просто подводятся под заданную схему, в результате чего возникают однотипные и грубо формализованные решения определенной теоретической проблемы. Если учесть, что диалектика Гегеля подавалась в якобы марксистской трактовке, то вполне естественно происходила еще и вульгаризация этого метода. Поэтому именно таким образом понимаемый и трактуемый диалектический метод не может дать позитивных научных результатов.

Вообще совершенно методологически непродуктивно излишне онтологизировать диалектику того или иного философа. По-видимому, не существует одной, единственно верной и применимой во всех условиях диалектики, но наличествует множество различных диалектик. С советских времен в сознании обществоведов укоренилась мысль о наличии трех основных законов диалектики (закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количества в качество, закон отрицания отрицания), согласно которым в этом мире осуществляется развитие как таковое. При этом представлялось, что, если ученый будет строго следовать этим законам, то он обязательно откроет истину. Однако, на деле, все оказалось не так просто и прежде всего потому, что упомянутые законы являются чрезмерно общими и абстрактными, а, следовательно, и малопродуктивными в конкретных случаях. Таким образом, диалектика свелась к сумме примеров и благих пожеланий, и в конце концов стала безжизненным и ритуальным понятием.

Нам представляется, что в методологическом плане более продуктивным будет такой подход, когда мы будем исходить из того, что в действительности существует множество диалектических методов, которые так или иначе соотносятся с вполне конкретными именами философов. Несомненно была своя диалектика у Сократа, Платона, Николая Кузанского, Маркса, В.С. Соловьева, Б.П. Вышеславцева, А.Ф. Лосева и т.д. Поэтому каждый исследователь социально-гуманитарных проблем на основе изучения разных вариантов диалектики вынужден решить для себя, какой из них более подходит в каждом конкретном случае, или же, творчески преобразовав их, сумеет создать свою версию диалектического метода и применить его в своем исследовании.

Примерно такая же ситуация сложилась с *системным методом или подходом*.

Традиционно система определяется как целостная совокупность элементов какого-то конкретного предмета или явления. Куча песка, например, отнюдь не есть система. Здесь принципиально важно, что система – это некая реальная целостность, где каждый элемент занимает свое присущее ему место. Всякая систе-

ма включает в себя определенную структуру, т.е. закономерную связь элементов. Следовательно, изучая некий объект как систему, исследователь должен выделить в ней прежде всего структуру, поскольку именно от нее зависит характер существования и развития данного объекта. Кроме того, ни одна система никоим образом не существует изолированно: она обычно является частью (элементом) еще большей системы, поэтому нужно пытаться понять эти связи и на основании этого осмыслить структурные характеристики изучаемой системы и в их соотношении со структурой предполагаемой гипотетической большей системы.

Вообще системный метод эффективно «работает» применительно к относительно статичным объектам. Другое дело – общество и человек, динамичные и часто непредсказуемые феномены, в особенности, в критических стадиях своего существования и развития.

На наш взгляд, не следует придавать системному подходу в социальных и гуманитарных науках чрезмерно гипертрофированное значение и уж тем более, превращать его в некую панацею, способную разрешить все без исключения научные проблемы в этой области знания.

О. Павел Флоренский говорил в свое время: «Система есть результат события мысли, а не ее предпосылка. Лучшее суеверие, чем системоверие»¹¹. Еще более категоричным был М. Мамардашвили: «Где система, там смерть»¹². Современный отечественный психолог В.П. Зинченко утверждал, что системный подход означает концептуализацию живого, которое ему сопротивляется. В гуманитарном знании нельзя обойтись без идей, смыслов, образов и метафор, которые выходят за пределы системного подхода¹³. Действительно, например, очень трудно дать адекватную «картину» личности, опираясь на один системный подход. Личность не поддается абсолютной рационализации, в ней остается некий иррациональный остаток и тайна. Выдающийся русский богослов В.Н. Лосский писал: «Человеческая личность не может быть выражена понятиями. Она ускользает от всякого рационального определения и даже не поддается описанию, так как все свойства, которыми мы пытались бы ее охарактеризовать, можно найти и у других индивидов. «Личное» может восприниматься в жизни только непосредственной интуицией или же передаваться каким-нибудь произведением искусства. Когда мы говорим: «Это – Моцарт», или «это – Рембрандт», то каждый раз оказываемся в той «сфере личного», которой нигде не найти эквивалента»¹⁴.

Далее, одним из важных аспектов системного метода является адекватное понимание соотношения части и целого, простого и сложного, которое может предотвратить нередко встречающиеся в социально-гуманитарных науках упро-

---

¹¹ Цит. по: Зинченко В.П. О методологической культуре психологов // Культурно-историческая психология. 2012. № 1. С. 60.

¹² Цит. по: Зинченко В.П. О методологической культуре психологов // Культурно-историческая психология. 2012. № 1. С. 61.

¹³ Зинченко В.П. О методологической культуре психологов // Культурно-историческая психология. 2012. № 1. С. 61.

¹⁴ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви // Мистическое богословие. Киев. 1991. С. 129.

щение или, напротив, усложнение исследуемого объекта. Посмотрим на эту проблему более детально.

В онтологическом аспекте понятия простого и сложного коррелируются с понятиями части и целого, хотя и не сводятся к ним. Итак, будем простое считать элементарным, а сложное – составленным из элементов. Сразу же придется констатировать, что в действительности простое и сложное неотделимы друг от друга. Так они всегда сосуществуют вместе, однако характер связи между ними может быть различным. По крайней мере, здесь можно выделить два вида связи:

а). конгломерат или аддитивное целое. Например – куча песка;

б). органическое целое, никоим образом не сводимое к совокупности частей.

Именно второй вид связи простого и сложного составляет систему и интересен для исследователя. Главная задача здесь состоит в том, чтобы определить, какой элемент (или элементы) целого являются системообразующими. Например, что является системообразующим элементом в человеке: дух, душа или тело? Что является системообразующим элементом общества: религия, культура, политика, экономика, наконец? В зависимости от того, какой элемент выбирается в качестве системообразующего, в строго методологическом плане определяется, а затем и концептуализируется та или иная философская или научная парадигма, традиция или подход, с позиций которых исследуются конкретные объекты.

Поскольку понятия простого и сложного, части и целого отнюдь не являются абсолютными, но всегда относительными и соотносительными (человек по отношению к обществу – его элемент, но по отношению к отдельным органам – целое), то здесь на передний план выходит именно гносеологический аспект изучения простого и сложного (части и целого), который логически является первичным по отношению к онтологическому, т. е. все зависит здесь от того, что вы конкретно исследуете: если человека, то вы находитесь в области философской антропологии или медицины, если общество, то – в сфере социальной философии или социологии.

На наш взгляд, главная проблема в контексте соотношения части и целого заключается как раз в том, что в процессе познания или научного исследования происходит или может произойти *упрощение сложного* и *усложнение простого*. Иначе говоря, возможны существенные искажения в нашем постижении предмета исследования или неверная ориентация самого процесса познания. Отметим два вида упрощения, возможные в процессе научного познания:

а). часть исследуется как целое. Предположим, врач лечит горло, но не видит в пациенте человека. В результате больной может получить осложнение или даже ятрогенную болезнь (болезнь, вызванную неправильным поведением врача в отношении пациента);

б). в качестве системообразующего элемента системы берется ложное основание. Предположим, экономические отношения рассматриваются в качестве базиса развития общества применительно к средним векам, где, в действительности, доминирующую роль играла религия.

Отметим также один вид усложнения, который широко встречается в нашей гуманитарной научной среде. Некоторые полагают, что если они употребляют в своих выступлениях и текстах научные термины иностранного происхождения, то они несомненно являются учеными. Так к месту и не к месту применяются «парадигма», «дискурс», «симулякр», «интериоризация», «репрезентация», «экспликация» и т.д. Нередко за этим обилием иностранных слов скрываются не то чтобы откровенно простые вещи, но и явная пустота и несостоятельность человека, претендующего быть сведующим и многознающим.

Проблема простого и сложного, упрощения и усложнения имеет также этическое и психологическое измерение. Как оценить, предположим простого и сложного человека? Сегодня многие скажут: сложный человек – это очень хорошо, а простой – это несомненно плохо. Но так ли это на самом деле!? Ведь простой человек это цельный человек, человек с твердыми убеждениями, волей и характером. Сложный же человек – нецельный, раздробленный, уклончивый и неясный тип. Он может быть подвластен настроениям, которые быстро и легко сменяют друг друга. О таких И.А. Бунин писал: «Шаткий ум и переменчивое сердце». К сожалению, таких людей очень много среди наших соотечественников, да и среди представителей других стран и народов. В психопатологии известен феномен раздвоения (т.е. усложнения!) личности, которая считается серьезным душевным заболеванием и неизбежно заканчивается психиатрической клиникой. Вот почему человек должен стремиться не к сложности, а цельности, которая и определяет в нем личностное начало.

Одним из наиболее серьезных проявлений упрощения в нравственной жизни и межличностных отношениях является морализаторство, подразделяющее и мир, и сложную сферу человеческих отношений либо на однозначно добрые, либо на непререкаемо злые. В большинстве своем эти оценки и элементарны, и поверхностны, и лишь в очень редком случае способны проникнуть в духовную и нравственную глубину человека. По сути дела, они являются основой для первичной классификации людей: элементарного деления их на добрых и злых. В действительности же такое деление слишком грубо и однозначно и никаким образом не отражает всей сложности, многомерности человека и драматизма его нравственной жизни. Очень часто мы ошибаемся в первичных оценках людей, и затем только в процессе длительного общения с ними убеждаемся в том, что в реальности кто-то значительно лучше или хуже тех представлений о нем, которые сложились первоначально. Нравственный ум человека проявляется в его умении *дифференцировать* моральные явления, «вчитываться» в них, ловить их скрытые смыслы и оттенки, а поняв – уходить от категоричного приговора и моралистических осуждений. Ведь нередко за понятием «добрый» скрывается множество самых разнообразных моральных определений личности: верный, самоотверженный, порядочный, честный, соvestливый, благородный, ответственный, дисциплинированный, сдержанный, уравновешенный, сострадательный, заботливый и т.д. Точно также, за понятием «злой» мы находим множество самых разнообразных определений: гордый,

завистливый, вероломный, ненавидящий, своекорыстный, эгоистичный, тщеславный, нарцисстичный, грубый, бестактный, бесстыдный, бессовестный, ханжеский, притворный, неискренний, самовлюбленный, бессердечный и т.п. Согласитесь, насколько более конкретным и индивидуально более определенным представляется человек, если к нему применяются не слишком обобщенные понятия добра или зла, а весь арсенал морально-этических понятий, выработанных человечеством в процессе его культурно-исторического развития! Насколько же более широкой представляется палитра мотивов человеческих поступков, насколько более сложной становится картина нравственных отношений между людьми, если к ним более адекватно начинает применяться моральная герменевтика. Но для этого в первую очередь необходимы и соответствующие знания, и в особенности, изучение объемного спектра морально-этических понятий как в теории, так и действительной жизни, а также глубокое понимание реальных человеческих нравственных отношений, следствием чего становятся нравственная эрудиция и ум, помогающие преодолевать бедность моралистического восприятия действительности и людей исключительно сквозь призму чрезмерно гипертрофированных понятий добра и зла. Но, пожалуй, самое печальное здесь – это то, что этому нигде не учат и к глубинам морального понимания человек в основном приходит сам, используя в качестве учебного материала отнюдь не конкретные разделы этического знания, но преимущественно шедевры художественно-культурного наследия и свой жизненный опыт. Даже в тех учебных заведениях, где серьезно преподается этика, этим проблемам пока не уделяется должного внимания. Грубость нравов и негативный фон в современных нравственных отношениях между людьми, на наш взгляд, являются во многом следствием бедности и унижительной простоты морального языка, а также неадекватности морального понимания и узостью нравственного мышления современного человека.

И в конце концов не случайно Христос призывал людей не судить ближних, потому что в действительности каждый человек неизмеримо богаче хотя и важных, но все-таки приблизительных понятий добра и зла. В этом мире повидимому нет ни абсолютных злодеев, ни абсолютных праведников. Наконец, все люди, по словам Ф.М. Достоевского, настолько опутаны своим и чужим злом, что каждый за всё и перед всеми виноват.

Долгое время в общественных науках преобладали, так называемые, объективистские методы, которые игнорировали, по сути дела, роль субъектных и субъективных моментов в общественной жизни и исторических закономерностях. Такая ситуация стала меняться в 30-е годы XX века с появлением во Франции школы «Анналов» – исторического направления, основанного Люсьеном Февром и Марком Блохом. Эта историческая школа оказала значительное влияние на формирование всей мировой историографии и обществоведения в целом.

Основная идея школы «Анналов» заключается в том, что для понимания истории необходимо обнаружить смысл явления, постигнуть мотивы людей, совершивших поступки в конкретных условиях, «прочитанных» ими на свой манер.

В этом контексте особое значение приобретает *персонологический* метод, который успешно применял в своих исследованиях профессор УрГУ Б.В. Емельянов. Будучи историком русской философии, он начал рассматривать последнюю не только как процесс филиации идей, т. е. возникновения и развития философских представлений от одних философов к другим, но и задумался о роли жизни и судеб мыслителей на продуцирование ими новых идей и представлений.

Авторы данного учебного пособия попытались дать свою интерпретацию этого метода.

Во-первых, мы опирались на понятие доминанты, разработанное известным русским ученым А.А. Ухтомским, которому придали более широкий гуманитарный смысл. По существу, доминанта для нас означает концентрацию личности на каких-то сверх-целях в определенный период жизни человека.

Во-вторых, персонологию авторы начали осмыслять и концептуализировать именно как «личностный логос» (персона-логия), в котором усмотрели трансцендентный замысел о человеке, его персонифицированное авторское слово о мире, скорректированное творческим заданием и влиянием надчеловеческих сил и отношений, наконец и его объективное положение и роль в сцеплении общественных взаимосвязей, культуры и истории.

В-третьих, жизнь и творчество конкретного мыслителя (художника, ученого, политика и т.д.) попытались представить как взаимодействие доминанты и личностного логоса. Оказывается, что если доминанта и личностный логос совпадают, то это дает наивысшие результаты в творчестве и жизни. Если же доминанта отклоняется от личностного логоса, то в результате у человека складывается весьма драматичная и даже трагичная судьба. Показателен в этом плане пример с жизнью и творчеством Л.Н. Толстого. В его жизни можно выделить несколько доминант: светский человек, бретёр, писатель, религиозный реформатор и проповедник. Наиболее адекватной его личностному логосу доминантой было именно писательство, где он достиг высшего совершенства, став величайшим романистом всех времен и народов. Однако, впав в мессианскую претензию, Л.Н. Толстой в последний период своей жизни стал на путь морализаторства и религиозного реформаторства, что привело к утрате высочайшего уровня художественного творчества и личной трагедией.

В-четвертых, мы пришли к выводу и показали это в ряде своих публикаций¹⁵, что судьба некоторых выдающихся людей тесно связана с судьбой страны и в какой-то степени является пророческим предостережением о ней.

В социально-гуманитарных науках в настоящее время получил широкое применение *герменевтический метод*.

Герменевтика (в переводе с греческого – разъясняю, истолковываю) – одно из течений современной западной философии, которое зародилась еще в древнегреческой культуре, а затем в христианской традиции стала искусством толкования Библии. Философское звучание герменевтика получила у немецких романти-

---

¹⁵ См., напр.: Соина О.С. Судьба Пушкина и судьба России // Человек. 2002. № 5-6.

ков **Ф. Шлегеля** (1772 – 1829) и **Ф. Шлейермахера** (1768 – 1834), для которых герменевтика предстала как искусство понимания чужой индивидуальности. Дальнейшее развитие герменевтики получила в философии жизни **Г. Дильтея** (1833 – 1911) и феноменологии. **Э. Гуссерль**, основоположник феноменологии, рассматривает герменевтику в широком культурном плане. Так он полагал, что каждая культура обладает своим уникальным жизненным миром, совокупностью откровенных и прикровенных смыслов, символов и ценностей, без учета которых не может быть адекватно понят ни один памятник (текст) этой культуры. В XX столетии благодаря **М. Хайдеггеру** (1889 – 1976) и **Х.-Г. Гадамеру** (1900 – 2002) герменевтика из искусства и методологии толкования текстов превращается в **онтологическое учение**. По их убеждению, **понимание** входит в структуру самого **бытия**. И от того, понимают ли друг друга люди и даже другие культуры, зависит не только качество познания, но и бытие социума вообще. Более того, само понятие текста может быть расширено беспрельдно. Так текстом можно считать биографию отдельного человека, историю отдельной страны или человечества в целом, жизнь природы, космические явления. Жизнь посылает нам множество знаков, которые необходимо расшифровать и использовать себе во благо.

Однако методологическое значение герменевтики при этом отнюдь не уменьшилось, но чрезвычайно возросло, поскольку социально-гуманитарные науки развиваются преимущественно на основе анализа разнообразных литературных источников или текстов.

Герменевтика, собственно говоря, и берет на себя задачу толкования, интерпретации множества разнообразных текстов: религиозных, философских, художественных и др. Необходимость такого рода толкований диктуется прежде всего тем особым обстоятельством, что многие упомянутые тексты несут в себе скрытое символическое содержание. Их буквальное, т. е. грубо рациональное прочтение может существенно исказить и замыслы авторов, и объективные смыслы, так или иначе наполняющие эти тексты.

В последнее время все большее количество гуманитариев использует в своих исследованиях художественную литературу, которая дает бесценный материал для постижения сущности общественных процессов и сложной природы человека. И здесь без герменевтики совершенно невозможно обойтись.

Зададимся вопросом: а почему, спрашивается, нужно толковать художественные произведения? Ведь, по существу вещей, любая рационализация его не может не привести к его омертвлению. Искусство тем и привлекательно, что оно в живой, чувственно-достоверной форме изображает человеческую жизнь или жизнь вообще. Безусловно, в этом суждении есть свой резон. Одна из бед нашей современной школы как раз и заключается в том, что учащиеся по большей части изучают художественную литературу по учебникам, где все растолковано и объяснено, но не читают сами произведения. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что герменевтика никоим образом не стремится подменить собой искусство, а только пытается помочь его более углубленному пониманию,

ибо отсутствие интереса к искусству часто связано именно с тем, что его не понимают и не воспринимают как жизненное и духовно достоверное явление.

Необходимость интерпретации, толкования художественного текста диктуется рядом обстоятельств.

Во-первых, это обусловлено тем, что часто далеко не всегда совпадают *субъективные замыслы* художника, которые он так или иначе может вербализовать в тексте, и *объективные смыслы*, заключенные в конкретном художественном произведении, и, наконец, его воздействием на жизнь общества или отдельного человека. У гениев, как правило, идейно-смысловой состав их произведений оказывается неизмеримо богаче всех их замыслов. Многие художники сами не могли до конца постичь, что же, собственно, они изобразили в своем произведении и потому давали часто односторонние и нередко поверхностные толкования своих творений. Это объясняется тем, что художественное творчество вообще развивается по иррациональным законам. Очень часто бывает так, что не художник определяет судьбу своих персонажей, а сами герои, так сказать, диктуют свою волю автору. Так, например, известно, что Г. Флобер предполагал, что главная героиня его романа «Мадам Бовари» останется живой. Однако логика развития характера и судьбы Эммы неумолимо заставила его завершить роман ее самоубийством. На тему взаимоотношения автора и персонажей существуют интересные теоретические рассуждения у М.М. Бахтина и художественные опыты испанского философа и поэта М. де Унамуно в его романах «Туман», «Любовь и педагогика».

Во-вторых, для того, чтобы понять то или иное художественное произведение, необходимо рассматривать его в конкретном *культурно-историческом контексте*. Так, например, Евгений Онегин, герой одноименного романа А.С. Пушкина, после убийства на дуэли В. Ленского сокрушается не от того, что убил человека (так бы переживал современный человек), а от того, что убил своего друга. Участие в дуэли в дворянской среде считалось делом чести и потому убийство на дуэли не считалось серьезным моральным преступлением, а сугубо переживательные аспекты этого явления общественное мнение не слишком интересовали.

В-третьих, очень часто за художественными образами, посредством которых искусству удается изображать динамику жизни и создавать эффект непосредственного участия любителя искусства в художественном действии, скрываются некие символы (в переводе с греческого слово «символ» означает «соединяю»), которые указывают на существование некоей скрытой реальности, скрытого смысла, требующего разъяснения. Так, например, Ланцелот из пьесы Е. Шварца «Дракон» побеждает дракона благодаря тому, что использует в битве подаренные ему горожанами шапку-невидимку и ковер-самолет. «В сказке ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок», – гласит русская пословица. На что же намекают нам эти сказочные, волшебные предметы? По-видимому, чтобы победить дракона, или, иначе говоря, воплощенное зло (дьявола), необходимо обладать необычайной духовной силой (шапка-невидимка, надетая на че-

ловека, дематериализует его, т.е. предельно одухотворяет), а также каким-то образом избавиться от земных соблазнов и вознестись духом на небеса (ковер-самолет).

Таким образом, художественные произведения и в особенности, созданные гениями, обладают множеством смысловых пластов, не все из которых постигаются сразу, но требуют и знаний, и размышлений, и интуиции.

Вообще человек, который при помощи герменевтики, научится толковать и понимать художественные тексты, способен будет проницательно читать саму Книгу жизни, со временем научится понимать себя, других людей, процессы, происходящие в культуре, обществе и истории, словом, так или иначе начнет осуществлять задачи не только научно-педагогического, но и жизненно-устроительного порядка.

Авторы данного учебного пособия в своих исследованиях неоднократно обращались к герменевтическому методу, толкуя и интерпретируя религиозные, философские и художественные тексты. Выступая в основном в качестве практических интерпретаторов текстов, а не столько теоретиков в области герменевтики, мы тем не менее сделали для себя некоторые открытия в этой области, имеющие, с нашей точки зрения, немаловажное значение.

Успех герменевтического исследования в значительной степени зависит от *точности квалификации исследуемого объекта*. Характер исследований и их конечный результат зависит часто от того, как мы изначально определим объект исследования.

Известно, что советские литературоведы относили русскую литературу XIX – начала XX веков к направлению критического реализма, подчеркивая ее обличительный социальный пафос. «Большая литература есть *всегда* литература обличительная»¹⁶, – утверждал также И.Л. Солоневич – известный политический публицист русского зарубежья. В то же время И.Л. Солоневич называл русскую литературу «кривым зеркалом», в котором, по его мнению, не нашла адекватного отражения реальная Россия и реальные русские. С нашей точки зрения, и советское литературоведение, и И.Л. Солоневич рассматривали великую русскую литературу в таком ракурсе, который не позволяет увидеть в ней главное: ее **духовное содержание**. Нельзя художественное творчество русских гениев сводить исключительно к социальной проблематике. В таком случае эта литература просто не дожила бы до наших дней, не получила бы всемирного признания, не стала бы эталоном художественного творчества для многих поколений отечественных и зарубежных писателей и поэтов.

Характеризуя своеобразие своего художественного творчества, Ф.М. Достоевский писал: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины души человеческой»¹⁷. Этим высказыванием великий писатель, по сути дела, определил не только качество своего дарования, но и самую глубокую суть русской литературы в целом. По нашему

¹⁶ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991. С. 160.

¹⁷ Достоевский Ф.М. Из записной тетради 1880 – 1881 гг. // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1970 – 1986. Т. 27. С. 65.

мнению, величие русской литературы заключается именно в том, что в своих лучших образцах она не только смогла художественно изобразить социальную реальность, быт дореволюционной России, но подняла проблемы всемирно-исторического значения и вечные проблемы человеческого бытия. Вот отчего она может и должна определяться как *духовный реализм*.

Благодаря такой характеристике сущности русской литературы стал возможен адекватный герменевтический анализ произведений отечественных писателей и поэтов XIX-XX столетий.

Словарь терминов

Абстрагирование – логическая операция, в результате которой происходит отвлечение из множества признаков вещи или явления одного из них и придание ему статуса самостоятельного существования (объективация). Например, электропроводность, белизна.

Аксиоматический метод – метод исследования объекта на основе выделения некоторого достоверного положения, из которого дедуктивным путем выводятся другие знания.

Анализ – разложение целого на части.

Антисциентизм – умонастроение, суть которого заключается в отрицательном отношении к науке (радикальный антисциентизм) или в сомнении относительно познавательных возможностей науки (умеренный антисциентизм).

Антропный принцип – базовый принцип современной космологии, суть которого состоит в удивительной корреляции закономерностей Вселенной с возникновением, существованием и развитием человека.

Верификация – термин, означающий процедуру опытной проверки достоверности научной теории. подтверждение теории фактами с целью выявления ее научного статуса.

Вненучные виды познания – обыденное, художественное, мифологическое, религиозное.

Герменевтика – теория и искусство толкования текстов.

Гуманитарное знание – знание, приобретенное разными формами культуры: религией, философией, искусством, мифологией и гуманитарными науками.

Гуманитарные науки – науки о человеке.

Знание – содержание человеческого опыта? которое может быть передано посредством языка.

Детерминизм – научный принцип, утверждающий взаимную обусловленность материальных процессов. Виды детерминаций – каузальная, структурная, функциональная, генетическая и др.

Диалектика – философское учение о всеобщей связи и развитии природы, общества, мышления и познания. Философский и общенаучный метод познания.

Диалектический метод – метод, основанный на принципах развития и всеобщей связи явлений.

Динамические законы – законы, действующие со стопроцентной вероятностью.

Жизнь (в социально-гуманитарных науках) – характеристика социальных и культурных систем с точки зрения их целостности, динамизма, пространственной локализованности, метаболизма, креативности, временности и т.д.

Естественные науки (естествознание) – науки о природе.

Идеализация – метод мысленного конструирования особого теоретического объекта (например, точка, абсолютно черное тело, иррациональные числа), не имеющего прямого эмпирического аналога, но помогающего исследовать те или иные стороны действительности.

Идиографический метод – метод познания, основанный на акцентировании единичности или уникальности исследуемых объектов. По мнению В. Виндельбанда и Г. Риккерта, такой метод более характерен для социальных и гуманитарных наук.

Измерение – метод эмпирического исследования, снятие количественных параметров с исследуемого объекта (размеры, температурные характеристики, пересчет количества единиц и т.д.).

Индекс цитирования – показатель уровня и качества научной деятельности ученого, зафиксированный его публикациями и ссылками на них.

Институционализация науки – форма общественного признания науки в целом или ее отдельного направления, выражающаяся в их материальной и финансовой поддержке государства и бизнеса, а также в организации подготовки кадров в специализированных высших учебных заведениях.

Интеллектуальная собственность – право на владение продуктами творчества, закрепленные юридически.

Интернализм – принцип в теории и истории науки, согласно которому основными движущими силами развития науки являются внутренние факторы.

Информатика – междисциплинарная область научных исследований и практическая деятельность, связанная с методами и процессами сбора, хранения, обработки, передачи, анализа и оценки информации, обеспечивающими возможность её использования для принятия решений.

Информация – средство обеспечения самоуправления и регуляции в сложных динамических (кибернетических) системах. В философии – отображенное разнообразие, в быденном языке – новость.

Истина – то, что есть. В научном познании – соответствие знаний объекту.

Категории – наиболее общие понятия, отражающие сущность и специфику той или иной науки.

Каузальность – вид детерминации явлений, фиксирующий связь между событиями, именуемыми причиной и следствием.

Квазинаука (квази в переводе с греческого означает якобы, как будто) – подобие науки, но не наука.

Классическая наука – этап развития европейской науки, охватывающий период с XVII века по конец XIX века, для которого было характерно господство классической механики Ньютона.

Конвенционализм – методологический принцип, согласно которому признается договорной характер достоверности знаний.

Культура – система ценностей и способов деятельности, характерная для определенного социума.

Лженаука – это ложные в своих основаниях, содержанию и практических результатах гипотезы и «теории». Лженаучные знания обусловлены идеологическими мотивами или моральной нечистоплотностью их «творцов» и пропагандистов, а также их профессиональной несостоятельностью.

Личностное знание – понятие, которое ввел М. Полани, утверждавший огромную роль в становлении, развитии и передаче знания опыта личного общения ученых: учителей и учеников.

Математические науки – совокупность научных дисциплин, изучающих действительность с точки зрения количественных отношений, форм и абстрактных структур.

Математическое моделирование – метод исследования объекта на основе построения его математического аналога.

Метафизика – содержание философского знания, обращенное к сфере сверхчувственного, к постижению смыслов.

Методология – учение о методах, вытекающее из тех или иных фундаментальных теорий.

Научная рациональность – совокупность знаний, методов и норм научной деятельности, воспринимаемая научным сообществом как достоверно значимая данность. Научная рациональность тесно связана с установлением причинно-следственных связей между явлениями, а также других детерминаций.

Научно-техническая революция – масштабные качественные изменения в сфере науки и техники, радикально изменившие характер промышленного и сельскохозяйственного производства, транспорта, связи и быта людей. Произошла в 50-60-е годы XX века.

Научный метод – способ или прием, посредством которого получается научное знание. Различают методы эмпирического и теоретического познания.

Наблюдение – метод эмпирического исследования посредством целенаправленного контроля над исследуемым объектом.

Наука – особый вид профессионального познания, социальный институт, сфера производства знаний с целью объяснения сущности и законов природы, общества, культуры и мышления, а также их практического использования.

Научная гипотеза – научное предположение в виде догадки, требующей доказательств, или в виде развернутой теории, нуждающейся в эмпирическом подтверждении.

Научная дисциплина – институционализированное направление научных исследований.

Научная картина мира – совокупность общих представлений науки определенного исторического периода.

Научная проблема – практическое или теоретическое затруднение в виде вопроса или совокупности вопросов, требующих своего разрешения.

Научная революция – период коренной ломки основных научных представлений, качественный скачок в развитии научного знания, переход от одной парадигмы к другой.

Научная теория – высшая форма научного познания, представляющая собой систематизированное знание, структурными элементами которого являются категории, принципы, законы, математический аппарат (в естественных и технических науках).

Научная школа – коллектив исследователей, созданный или возглавляемый научным лидером на основе новой концепции или исследовательской программы, которая развивается ее приверженцами и учениками.

Научное сообщество – совокупность ученых, принадлежащих преимущественно одному поколению и объединенных по принципу профессиональной общности.

Научно-исследовательская программа – понятие, введенное И. Лакатосом. Совокупность сменяющих друг друга научных теорий, связанных друг с другом общими нормативными правилами, неопровержимыми фундаментальными положениями и вспомогательными гипотезами, обеспечивающими дальнейшее развитие научного познания в целом или отдельных его областях.

Научный закон – внутренняя, существенная, необходимая, повторяющаяся связь явлений, сформулированная в виде некоего правила или формулы.

Научный принцип – положение или идея, составляющие основу научной теории.

Научный факт – событие или явление, описанное и многократно повторенное разными учеными.

Неклассическая наука – этап развития науки (конец XIX века – 70-80-е годы XX века), связанный с появлением теории относительности А. Эйнштейна и квантовой механики, которые радикально изменили представления о характере научного знания и закономерностях природных процессов.

Номотетический метод – в неокантианстве баденской школы – метод естественных наук, направленный на выявление общих закономерностей, генерализующий общие тенденции науки.

Нормальная наука – согласно Т. Куну, состояние науки в период между научными революциями, при котором обнаруженные факты объясняются наличной теорией.

Объяснение – логическое доказательство и обоснование чего-либо.

Онтология – раздел философского знания, учение о бытии.

Опыт – пережитое человеком или обществом (индивидуальный или социальный опыт).

Парадигма – совокупность убеждений, ценностей, особых моделей постановки и решения исследовательских задач, свойственных определенному сообществу ученых.

Паранаука – совокупность вненаучных направлений познания, исследование объектов, которые не поддаются фиксации и интерпретации при помощи научных методов по причине их иррегулярности (уфология, телекинез, экстрасенсорика и т.д.).

Позитивизм – течение в философии и науке, отвергающее метафизические вопросы как псевдопроблемы.

Позитивное знание – знание, редуцируемое к чувственному опыту.

Познание – процесс приобретения знаний

Понимание – постижение смысла и сущности явления.

Постнеклассическая наука – термин для обозначения нового нарождающегося этапа развития научного познания, связанного с возникновением синергетики и информатики.

Постпозитивизм – философское направление, пришедшее в 60-70-е годы XX века на смену логическому позитивизму и символизирующее крах позитивистской традиции в философии.

Прикладная наука – сфера научного познания, направленная на получение практических результатов в виде новых технологий или технических устройств.

Пролиферация – понятие, введенное П. Фейерабендом. Означает максимальное увеличение гипотез и теорий, необходимое для успешного развития науки.

Псевдонаука – представляет собой более устойчивые формы квазинаучного знания, которые обладают формальными признаками научного знания (категориальный и математический аппарат, методы исследования), но, тем не менее, не являющимися таковыми, поскольку в явном или косвенном виде вводят в свой состав метафизические посылки и идеи.

Рациональность – совокупность знаний и ценностей, воспринимаемая определенной общностью как непререкаемая достоверность.

Редукционизм – сведение высшего к низшему.

Релятивизм – принцип относительности знаний и ценностей.

Синергетика – универсальная теория и методология, изучающая процессы в сложных открытых нелинейных системах с точки зрения взаимодействия в них хаоса и порядка.

Синтез – соединение целого из частей.

Система – совокупность элементов.

Системный подход (метод) – моделирование объекта исследования как совокупности элементов с установлением многообразных связей между ними.

Случайность – понятие, противоположное необходимости.

Социальные науки – науки, изучающие законы функционирования и развития общества в целом и отдельных его сфер.

Сравнение – метод эмпирического исследования, сопоставление объектов, выявление сходств и различий между ними.

Статистические законы – вероятностные законы.

Структура – закономерная связь элементов системы.

Структура науки – закономерная связь элементов научного познания (фактов, проблем, гипотез, теорий, методов и методологий).

Сциентизм – умонастроение, суть которого заключается в некритическом отношении к науке, уверенность в том, что при помощи науки могут быть решены все социальные проблемы.

Телеология – учение о целях.

Теория – высшая форма научного познания. Мысленная, идеальная модель реальности. Включает в свой состав понятийно-категориальный аппарат, математический аппарат, научные принципы, законы, методологию.

Техника – совокупность артефактов и способов деятельности, воплощенных в машины и технологии.

Технические науки – науки о технических средствах, технологиях и инженерной деятельности.

Теоретический уровень познания – высшая форма научного познания, в котором дается объяснение сущности явлений и формулируются законы функционирования и развития исследуемых объектов.

Технический оптимизм – умонастроение, основанное на вере в бесконечные созидательные возможности техники.

Технический пессимизм – умонастроение, основанное на вере в разрушительную мощь техники.

Техническое знание – науки о технике, технологиях и обслуживании техники (инженерная деятельность).

Технократия – в буквальном смысле власть ученых, инженеров и техников. Идейное течение, согласно которому общество может управляться и регулироваться на основе научно-технической рациональности.

Технократическое сознание – сознание людей, отчужденных от культурных ценностей и подпавших под власть техники.

Фальсификация – термин, введенный К. Поппером, означает процедуру обнаружения эмпирическим путем ошибок или неточностей в теории, что подтверждает ее принадлежность именно к научному познанию, а не к разного рода видам и формам вненаучного познания. Опровержение теории фактами с целью выявления ее научного статуса.

Философия науки – раздел философского знания, изучающий сущность, законы функционирования и развития науки и научного познания.

Формы научного познания – способы актуализации научного знания.

Фундаментальная наука – исследование законов природы, общества, культуры и духовной жизни с целью получения новых углубленных знаний, не предполагающих немедленного практического применения.

Холизм – философский и научный принцип, признающий приоритет и несводимость целого к совокупности частей.

Эксперимент – метод эмпирического исследования, суть которого заключается в активном воздействии на исследуемый объект с целью выявления его свойств и характеристик.

Экстернализм – направление в теории и истории науки, рассматривающее внешние факторы (экономические, политические, идеологические и др.) главными и определяющими в развитии науки.

Эмпирический уровень познания – низший уровень научного познания, на котором производится описание фактов, их классификация и делаются первичные обобщения.

Этика науки – прикладная (профессиональная) этика, обосновывающая необходимость специфических норм, регламентирующих научно-исследовательскую деятельность с целью минимизации ее негативных последствий для общества и природы.

Этос научного сообщества – нормы, обычаи, писанные и неписанные правила общения, ценности и смыслы, регламентирующие взаимоотношения людей в научной среде.

Список литературы

1. Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990.
2. Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971.
3. Кравец А.С. Идеалы и идолы науки. Воронеж. 1993.
4. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
5. Кун Т. Структура научных революций М., 1975.
6. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
7. Проблемы методологии постнеклассической науки. М., 1992.
8. Протоиерей Г. Нейфах. Гармония Божественного творения. Взаимоотношения науки и религии. М., 2005.
9. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.
10. Степин В.С. Философия науки. М., 2006.
11. Традиции и революции в истории науки. М., 1991.
12. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
13. Гадамер Х. – Г. Истина и метод. М., 1988.
14. Зинченко В.П. Гипотеза о происхождении учения А.А. Ухтомского о доминанте // Человек. 2000. № 3.
15. Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
16. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
17. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994.

18. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М. 1990.
19. Миронов В.В. Иванов А.В. Онтология и теория познания. М.. 2005.
20. Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
21. Современные теории познания. М., 1992.
22. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
23. Ярвилехто Т. Мозг и психика. М. 1992.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Наука в ее историческом развитии

	Доминирующий тип ученого	Основная цель научного познания	Источник и движ. сила н. познания	Место науки в культуре	Приоритетные формы знания
Древний мир	Жрец	Прикладная и магическая	Практика	Не имеет самостоятельного статуса	Эмпирические наблюдения, регламентации деятельности
Античность	Философ-созерцатель и эмпирик-наблюдатель	Созерцание, знание ради знания	Любознательность, удивление от красоты и величия мира	Подчинена философии	Умозрительное знание
Средние века	Монах-книжник, мистик-богослов, университетский ученый	Познание ради спасения	Откровение, Священное Писание, Священное Предание	Подчинена религии и богословию	Рационализированный мистический опыт, схоластические знания
Возрождение	Ученый-философ, художник, ремесленник, инженер	Познания ради творчества	Потребности творчества	Вплетено в искусство, творчество, магию	Экспериментальные знания
Классическая наука	Академический ученый-универсал	Познание законов природы, общества и мышления	Потребности промышленности	Приобретает самостоятельность и борется за первенство с религией	Теоретическое знание, механицизм
Неклассическая наука	Ученый - узкий специалист	Познание законов	Государственный заказ	Доминирует	Теоретическое знание, физика – лидер
Постнеклассическая наука	Ученый – узкий специалист и технолог	Прагматические цели выходят на передний план	Потребности рынка	Доминирует, но испытывает потребность в синтезе с другими видами познания	Теоретико-технологическое знание, молекулярная биология и информатика - лидеры, синергетика – общенаучная методология

Схема № 2. **КЛАССИЧЕСКАЯ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА**

	Классическая	Неклассическая	Постнеклассическая
Объект исследования	Простые системы	Сложные системы	Сверхсложные системы
Концепции детерминации	Механистический, лапласовский детерминизм: каузальность	Полидетерминизм: каузальность, структурный, функциональный, генетический, телеологический	Полидетерминизм: каузальность, структурный, функциональный, генетический, телеологический. Случайность — самостоятельный фактор.
Типы законов	Динамические	Статистические	Статистические
Соотношение субъективного и объективного	Объективизм, человек — сторонний наблюдатель	Включенность субъекта в содержание знания	Включенность субъекта в содержание знания, Антропный принцип в космологии, Плюрализм дискурсов в постмодернистской парадигме
Соотношение онтологического и методологического начал	Онтологизм	Методологизм,	Методологизм, Синергетика как универсальная методология
Истинность теорий	Монотеоретизм	Плюрализм	Плюрализм, синтез научного знания — информатика, тенденция к синтезу науки и других видов познания

Виды познания	Обыденное	Художественное	Философское	Мифологическое	Религиозное	Научное
Объект познания	Часть мира, ставшая повседневной средой обитания	Весь мир	Весь мир	Весь мир	Весь мир	Материальный мир
Предмет познания	То, что составляет сферу повседневной практической деятельности	Человеческая жизнь в социокультурном и психологически-душевном плане	Мир как целое	Развернутое магическое имя, чудесная личностная история, абсолютный миф	Трансцендентный мир	Дифференцирован, у каждой науки свой специфический ракурс или аспект изучения материального мира
Способы познания	Понятийный, практически-целесообразный, здравый смысл	Образно-символический	Понятийный, продуцирование идей, рефлексивность	Сквозь призму личностного, социокультурного мифа	Откровение, посредством догматов, вера	Понятийный, формализованное, математизированное знание
Методы познания	Проб и ошибок, на основе передачи опыта от одного поколения другому	Художественные методы: классицизм, сентиментализм, романтизм, критический реализм, социалистический реализм, духовный реализм, модернизм	Диалектический, догматический, афористический, антиномический, символический	Жизненных драм, личностных и социокультурных	Молитва, сердечное созерцание, катафатическое богопознание, апофатическое богопознание	Эмпирические методы, общелогические методы, теоретические методы
Концепция истины	Утилитарная	Экзистенциальная	Диалогическая	Конвенциональная	Онтологическая	Корреспондентская
Критерии истинности знания	Полезность	Катарсис	Духовная и культурная самоидентификация	Конструктивность мифа	Верность духовной традиции	Логический, моделирование, научный эксперимент, практика

В.Ш. Сабиров

О.С. Соина

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Учебное пособие

Редактор: С.И. Чудинов
Корректор: Е.А. Анисенева

Подписано в печать 06.09.2016.
формат бумаги 60x84/16, отпечатано на ризографе, шрифт №10,
изд. л. – 6,06, заказ № 225, тираж – 10.
Типография СибГУТИ
630102, Россия, Новосибирск, ул. Кирова, 86.